

Алексей Семенов

СТИХИЯ СЛОВ

Книга вторая

Сборник произведений

*Алексей Альбертович
Семенов*

СТИХИЯ СЛОВ

Сборник произведений

Москва
«Филинь»
2022

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

С30

ISBN 978-5-9216-0330-1

Семенов А.А.

С30 Стихия слов. *Сборник произведений / Алексей Семенов* — М: Филинъ, 2022. — 268,[2] с.: ил.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

С30

ISBN 978-5-9216-0330-1

© Семенов А.А., 2022
© Семенов А.А., обложка, 2022
© Издательство «Филинъ»,
оформление, 2022

Уважаемые читатели!

Перед вами вторая книга произведений Алексея Семенова. В ней собраны стихи и тексты песен с 1993 года по 2008 год. Так же, как и в первой книге, вы здесь увидите много лирики, баллад, авторских размышлений на разные темы.

Как-то Владимира Высоцкого спросил корреспондент газеты «Культура»: «Расхожий термин «ранний Высоцкий», под которым подразумеваются лагерные, хулиганские песни, вышедшие из-под вашего пера, не коробит?»

На что Владимир Семёнович ответил: «Мои ранние песни можно как угодно назвать – дворовые или блатные. Но я считаю, что они написаны в традициях городского романса. Одно время он существовал у нас, потом почему-то куда-то ушёл, был забыт. Городской романс – это почти всегда одна мысль, точная и поданная в очень упрощённой форме. Не та простота, которая хуже воровства, а лаконичная, доверительная разговорная речь. Хотя я должен сказать, что это довольно сложно, и в дальнейшем мне мои первые песни очень помогли. Я расширил тематику, но сохранил форму».

Алексей Семенов считает так же. Не нужно стыдиться своих первых, ранних стихов и песен. Они написаны, они спеты. Автор выразил свои мысли, придал им литературную форму. На то время он думал именно так. И многие произведения не потеряли своей актуальности и сейчас. Эти ранние песни принесли огромную пользу в построении рифмы, определении размера строчек и строф...

На Алексея Семенова огромное влияние оказала рок-музыка, авторская песня, городской шансон, в адекватном понимании этого жанра. Все перечисленные направления вы без труда увидите в произведениях автора.

Как сказал когда-то Алексей: «Я хотел писать рок-тексты, а получается, на мой взгляд, хорошая авторская песня. Значит, так и надо».

Ему близки слова Александра Сергеевича Пушкина: «От дурных стихов не отказываюсь, надеюсь на добрую славу своего имени, а от хороших, признаюсь, и силы нет отказываться».

Итак, дорогие друзья, вы держите в руках вторую книгу Алексея Семенова. В добрый путь по страничкам времени! Надеемся, что она не оставит равнодушным читателя и он, как и автор, будет сопереживать литературным героям, их горю или радости.

Желаем вам здоровья, любви и счастья, дорогие друзья!

Приятного чтения!

СТУХИ
И ПЕСНИ

20.10.1993-03.12.1996

Птицы

Ветер с залива, ветер в лицо,
Сотни серебряных брызг.
За горизонт плывут облака,
А с ними – тысячи птиц.

Навстречу Солнцу, сквозь туман,
Рвутся они за моря.
Чтобы увидеть землю отцов
И ветви родного гнезда.

Стая за стаяй по радуге грёз,
Оставляя уставших волнам,
Эти птицы стремились в полёт
Подобно свободным ветрам.

За вожаком, за тысячи миль,
Прощаясь взмахом крыла.
Древний инстинкт подстёгивал кровь,
Спасая от пули стрелка.

День за днём, за ночью рассвет,
Пролетая в пути острова,
Чтоб, обессилев, срываясь с небес,
Прошептать: «Мы вернулись, Земля!»

* * *

Каменный город, свет фонарей,
Ржавые крыши под бледной луной.
Ступени парадных помнят шаги
Тех, кому не уснуть в этот час ночной.

Хмурые лица, озлобленный взгляд,
Хитрость котов и отвага собак...
Чёрные куртки, кастет на руке,
Кольшется жизнь на волоске.

Твой знак – роза ветров,
Символ – сломанный меч.
Заплаканная мать, оплётанный крест...
В ушах звон металла,
В глазах огонь сатаны.
В душе горят чёрной злобы костры.

Солнечный день и неба синь
Ты променял на краски витрин.
На тёмный проспект и серый снег,
Чёрную маску скинь, человек!

Смерть на игле или смерть от ножа,
Какая тебе подходит судьба?
Вой сирены, огни машин,
Оглянись, ты остался один!

Твой знак – роза ветров,
Символ – сломанный меч.
Заплаканная мать, оплётанный крест...
В ушах звон металла,
В глазах огонь сатаны.
В душе горят чёрной злобы костры.

* * *

Стол, украшенный цветами.
Шорох свадебного платья.
Одинокими ночами
Снится будущая свадьба.

По ночам одна тоскует
Девушка с глазами моря.
Пальцем на стекле рисует
Принца в золотой короне.

Леди, одинокая Леди,
Всё пройдёт – и печаль, и тоска.
На белом коне принц желанный приедет
И с надеждой посмотрит в голубые глаза.

Он придёт, он постучится
В твою дверь бессонной ночью.
Принц, который тебе снился,
Озарит твой мир любовью.

Пусть оркестр заиграет
Вальс весеннею порою.
Пусть волшебник зажигает
Звёзды в небе над рекою.

Леди, одинокая Леди,
Всё пройдёт – и печаль, и тоска.
На белом коне принц желанный приедет
И с надеждой посмотрит в голубые глаза.

Дети

Дети не спят. Им слышится крик за стеной.
И, лишь луна взойдёт на свой трон,
Они встают из кроваток и смотрят в окно,
Отогревая стекло солёной слезой.
Слыша в ночи чей-то сдавленный крик.

Милые дети, я был как и вы –
Верил в реальность волшебной страны,
Где юный принц в белом плаще
Спасает принцессу на белом коне.

Услышав в ночи крик или стон,
Вы плачете, слёзы текут по щекам.
Солёные слёзы беды.
Значит, силы зла ходят кругом
И могут ворваться и в ваш дом.
Холодные слуги зимы.

А мама и папа спят за стеной
И видят хорошие сны.
Они забыли, как сердце дрожит
В предчувствии новой беды.

Добрые дети шепчут слова.
Плачут в подушки и возле окна
Просят у Бога немного добра,
Немного света, немного тепла,
Чтобы согреть этот холодный мир.

Тане...

И снова так...
И вновь, как встарь,
В прокисшем небе косяки,
И ты завоешь от тоски.
И даль, за далью даль.

Уставший Бодлер на столе,
И листья жёлтые уже.
И ты приснилась в неглиже,
Забытая печаль.

Ушла, а где искать тебя,
В раю или аду?
С небес упавшую звезду
Согрею я любя.

Но ночь стучится,
Не до сна.
В стихах – ненужная тоска
Сломала крылья и легла
На ткань прозрачного листа.

Уходит жизнь.
И по пустынным берегам
Течёт моя река.
В далёком небе облака,
Доступны всем ветрам.

* * *

Ниспадает на плечи золотистый каскад,
Случайные встречи, мимолётный твой взгляд.
Никуда не укрыться от глаз голубых,
Даже ночью мне снится тела стройный изгиб.

Я признаться не смею и любовь утаю,
Как всегда, улыбаясь, когда рядом иду.
Ну а сердце, как птица, бьётся в тесной груди,
Ты уходишь, простившись, ну а мне хоть кричи.

Чашу горьких страданий допью я до дна,
Только друг мне вдруг скажет: «Много пьёшь ты вина».
Я с ним выпью на пару, о любви промолчу,
Что влюбился так сразу в его Сашку – жену.

Много есть синеглазых на свете подруг,
Только я, беспокойный, отбился от рук.
Всё грущу, и хожу, и забыться хочу,
Одно сердце лишь знает, как тебя я люблю!

Декабрь 1995

Поэт

Сплетая воедино ветки гибких слов,
Плетя корзину из обрывков снов,
Под музыку трепещущих богов
Я песню пел. Наверно, про любовь.

Ветра – ломали душу мне.
Гроза – покой нарушила.
И голос мой устал.
Он рвался, он дрожал.

Под рокот всевидящей толпы –
Им поверять и мысли и мечты
И знать уж наперёд, что будет миг,
Когда растопчут твой ненужный лик.

Судьба – раскрыла двери мне.
Мечта – все стены рушила.
И, стоя на краю,
Я понял, что лечу.

Но крылья мне сожгли хулой,
И небеса сомкнулись надо мной.
Я падал связанный в бедлам,
В сплетённый слухами капкан.

Река – как капля на окне.
Гора – песчинка на тропе.
Я уподобился богам,
Но сбросили меня в обман.

В который раз я падал вниз,
Приказ исполнив той, чей каприз
Меня поднял и уронил
На твёрдость мраморных могил.

Свеча зажглася на окне.
Рука скользнула в темноте.
Перевернула жёлтые листки,
Где притаилися стихи...

* * *

Он с гитарой творил что хотел.
Это был золотой беспредел.
Накурившись за сценой так гашиша,
Что в обкуренных пальцах дрожала струна,
Он на сцене выделявал то,
Что, пожалуй, не смог бы никто.

А зал молча слушал,
Зал трепетал.
Души свои в зажигалках сжигал.
Увидеть его было мечтой
Для многих девчонок, забитых тоской.

Его пытались купить и одеть.
Его пытался кто-то иметь.
Но он был упрямым и верил лишь в то,
Что душу свою не продаст так легко,
Что птицу в полёте нельзя загубить.
К несчастью, птицу можно убить...

И вот под завязку концерта в ДК
Из зала поднялась чья-то рука,
Выстрел не слышен за гимнами слов,
И он понял, что рок – это всерьёз.

Аккорд за аккордом дрожащей рукой,
Сегодня концерт, а завтра покой.
Боль в левом лёгком, кричащая боль,
Сегодня твоя последняя роль,
Будь ты шут или даже король,
Под вечер, малыш, он не будет с тобой.

Но он доиграл песню – как смог?
Видать, он был и правда пророк,

Да только пророков не чтут,
Их гонят, их достают.

Последний аккорд, он начал сползать.
Никто не пытался его удержать.
Он руки раскинул, словно взлетел,
А зал застонал, зал захрипел.
На обшарпанный пол тихо осел,
Видно, это и есть беспредел.
Да только пророков не чтут,
Их гонят, их достают...

Охота на ведьм

В сарафане на метле
Ты летела в тишине
Над лесом.
Я по грешной по земле
На орловском скакуне
Нёсся следом.

Сзади слышу звук трубы,
Злобный лай и крик толпы:
– Держи! Её!
Ты бесовку догони,
Зааркань да и свяжи,
На потеху всей толпы
Волоки!

Собирается народ,
А священник уже ждёт
С крестом.
Если ведьма, то всплывёт,
И с камнями весь народ
Подождёт.

Если баба, то умрёт,
В ил тягучий засосёт
Её тело.
И молебен отпоют,
Сядут, выпьют, запоют,
Вот и дело.

Летний сезон охоты на ведьм,
Странная, страшная, бойкая песнь.
В мутном пруду дышит вода,
Камень привязан, а рядом петля,
До дна, до дна, до дна...

Я её почти догнал,
Заарканил и связал,
Эту ведьму.
Но глаза её блестят,
Тянут, вяжут и манят
В бездну.

Тело словно чистый шёлк,
Чёрны очи словно ночь
Летом.
Окрутила беса дочь,
От погони скрылись прочь
Лесом.

В чёрной чаще темнота,
Стоит терем без крыльца,
Дом колдуньи.
– Хоть и ведьма с детства я,
Буду я тебе жена, –
Молвила шалунья.

А посёлок зол и лют,
Мне готовит страшный суд
Архиерей.
Два попа уж рясы рвут,
За углом кого-то бьют,
Кто слабей.

Тёмный люд в селеньях крут,
Назовут и обзовут
За глаза!
Я теперь у них ведьмак,
Злой колдун, ушедший в мрак
Навсегда!

Летний сезон охоты на ведьм,
Странная, страшная, бойкая песнь.
В мутном пруду дышит вода,
Камень привязан, а рядом петля,
До дна, до дна, до дна...

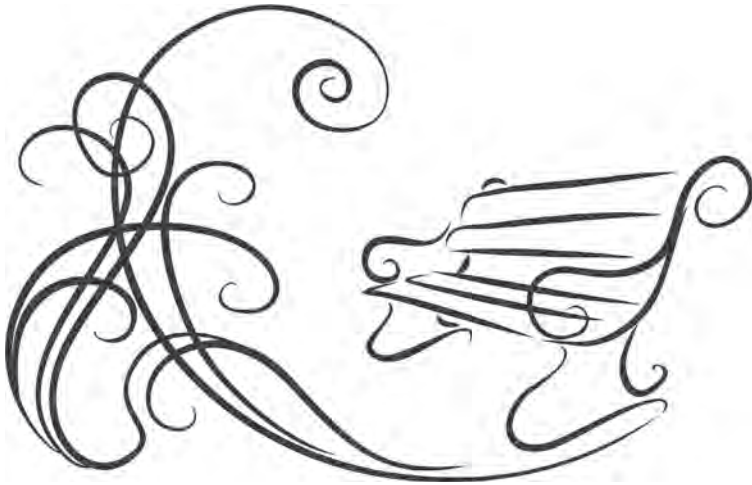
Я не думал, не гадал,
Но в зелёный лес попал –
И пропал.
А оставшись на денёк,
Я уйти уже не смог,
Да и ладно.

Время быстрою рекой,
По пергаменту строкой,
Бьётся.
На висках уж седина,
Отрастает борода,
Сердце в рёбрах, как всегда,
Бьётся!

На опушке кутерьма,
Детский смех, борьба, возня,
Малышня играет.
Над избушкой дым столбом,
И, склонившись над котлом,
Моя милая с котом
Что-то варят.

За зимой опять весна.
У крыльца лежат дрова.
Над полянкой соловья
Песня льётся.

А вдали журчит река,
Плачет ива у пруда,
Светит полная луна,
 То ли солнце.
Рядом милая жена,
Подрастает детвора,
От любви горит душа
 И смеётся.

* * *

Играй, полупьяный сверчок.
Пусть мне подпоют те,
Кто ещё не успел свалиться под стол.
К губе прилипший бычок.
Я ловлю восторженный взгляд
Твоих серых глаз.
Но я просто играю роль.

Я отвечаю голодным взором,
И песня льётся сильней.
Гитара стонет под штормом пальцев,
Мелодия входит в душу гостей.

Продавая стихи за обед
И рюмку водки,
Кочую из дома в дом,
Куда позовут.

Девочки пляшут, а я не могу,
Я устал, надорвал свою глотку.
Тихо сижу в уголке,
Вписавшись в семейный уют.

Ты говоришь, что хочешь дочку.
Будет дочка, лишь ночка
Была бы темней.
Я накаркал, разбил бокал на счастье.
Будет счастье, лишь ты
Посмотри на меня понежней.

Мой след

Мой след – это пламя костра.
Мой стон – шёпот родника.
Мои одежды залатали ветра,
Ожерелье из руд рудника.

Мой крик – это горный обвал.
Мой гнев – трещина ледника.
Моя боль – высохшая река.
Мои слёзы – слёзы дождя.

Мой цвет – цвет весны.
Вещие птицы – мои сны.
Облака – думы о былом.
Моя страна там, за хребтом.

Моё слово – это строка.
Мои стихи сгорели дотла.
Мои песни унесли ветра.
А синее небо – моя душа.

* * *

В кармане нет денег,
Нет сигарет.
Куда бы пойти,
Где взять ответ?

Мимо скамеек
Иду на рассвет.
Может, спросить
У ребят сигарет?
...Буду ли водку?
Что за вопрос!
Снова стакан,
И снова вразнос.

Сколько их было
Ещё до меня.
Сколько их будет
После меня.
Жизнь – это сказка,
Сказочный бред.
Выпить бы пива,
Да денег вот нет.

Выпить бы пива,
Да кто угостит?
– Малыш, подожди!
Тебя проводить?

Нежные пальцы,
Нежные губы.
– Дай телефон,
Да твой, не подруги...
Что ты, малыш,
Я не забуду...

Наутро снова
Похмельный синдром.
Помню две цифры,
А третью...
А, вспомню потом!

Сколько их было
Ещё до меня.
Сколько их будет
После меня.
Жизнь – это сказка,
Сказочный бред.
Выпить бы пива,
Да денег вот нет.

Чёрная сажа

Грязные улицы, грязный асфальт.
Дождь играет траурный марш.
Я даже этому рад.
Но только чёрная сажа –
Мне мешает жить.
Мне мешает спать.
Мне мешает быть
И летать!

Любовь в траурной рамке –
Как поцелуй лесбиянки.
Выстрел в упор
Иль плевков в государство?
Когда же окончится
Наше мытарство?
Чёрная сажа – это наше рабство!

Играешь на скрипке
На крыше, как бог,
Снизу кричат: «Уймися, щенок!»
Девушка с флейтой –
Кидают жетончик метро,
И предлагает минет сволочьё.
Чёрная сажа, как вороньё!

Чёрная сажа в душах детей.
Бизнес и деньги – боги идей.
Отроки, где вы? Кто из вас на игле?
Чем государство поможет тебе?

Чёрной воронкой сосёт душу кайф.
Всё хорошо, но что-то не так.
Чёрная сажа – это бардак!

Март 1995

* * *

Странные люди, странные сны.
Вещие птицы, летите, летите.
Красное солнце на ладонь положите,
Чтобы сбылись мечты.

Свет из окна, свет из души.
Звёзды на небе, горите, горите.
Мир темноты огнём озарите
В пламени старой свечи.

Старые боги, старые страны.
Молебны в церквях служите, служите.
Веру, любовь в жизнь воплотите,
Чтобы не стало войны.

Но, к сожалению, так не бывает.
Люди друг друга порой убивают.
И мечты остаются мечтами,
И огонь виден только в танце грозы.

Зайцы

Косили зайцы на лугу
Трын-траву.
И пели песни про лису
И про весну.

Но злой волчище стережёт
Леса, поля.
И бедным зайцам не даёт
Косить поля.

Словит серого за уши –
И в тёмный лес.
Трын-траву возьмёт, посушит,
А зайца съест.

Стали зайцы на совете
Речь держать,
Как же им такой напасти
Избежать.

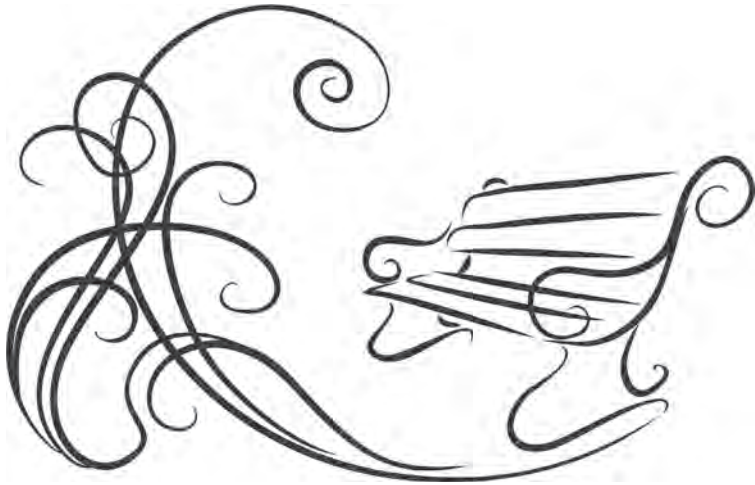
И вот однажды на работе,
При луне,
Косили зайцы на болоте
Траву себе.

Увидал их волк из леса,
К ним бежать.
Но не рассчитал он веса,
Стал тонуть, кричать.

Зайцы лёгкие по кочкам –
Прыг да прыг.
А волчище меж листочков
По кадык.

Зайцы весело смеялись
Той весной:
– Не шути, волчище злой,
Ты с травой!

Косят зайцы и поныне
Трын-траву.
И поют блатные песни
Про сову.

* * *

Сквозит с начала до конца,
От рваной раны до рубца.
От ржавых ножен до клинка.
От пули меткого стрелка.

Война под шёпот, пересуд.
За что парнишку в гроб кладут?
Резину тянут, вены рвут.
Да вот бойцы глаз не сомкнут.

Стреляют в спину – ты оккупант!
А в креслах сволочи сидят.
Играют в шашки – е-три, е-пять.
Оружье надо же списать.

Ребят загнали под обстрел
И смотрят: кто остался цел?
Взвод, рота или батальон.
Чеканим юбилейный медальон.

Раздали Дом, зачем опять
Хотят назад скорей забрать?
Послали воинов стрелять –
И дальше в шашки блефовать...

Девяностые...

* * *

Ещё вчера я что-то мог.
Сегодня – как уставший волк,
И нажимает на курок,
В засаде спрятавшись, стрелок.

Землю грызу, припадая на лапы.
Козыри – крести, битые карты.
Мне даже не прыгнуть на шею ему.
Впиться б клыками в горло врагу!

Остались где-то мои друзья.
А я устал, я не похож на себя.
Мне не спастись, еле-еле ползу.
Чуть слышно на ветер рычу.

Что это было? Осечка или курьёз?
Дрогнул ли палец, но это всерьёз!
Кому-то стало обидно до слёз
Смотреть, как ползёт измученный волк.

Он подошёл и не пнул сапогом.
Винтовку оставил свою за стволом.
Тихо присел, посмотрел мне в глаза...
Видно, и ему приходилось быть
В роли Волка...

* * *

Напои меня губами,
Поласкай меня рукой,
Пред зелёными глазами –
Как пред девою святой.

Скинь одежду, не стесняйся,
Ты прекрасна в нагоде.
И закрой глаза от счастья,
Когда будем на тахте.

Страшный суд – такая гадость,
Но и там скажу при всех,
Что тебе дарил лишь радость
И любовь без всяких мер.

Пусть на свете есть разлука,
Пусть гореть мне на огне,
Что за сладостная мука –
Тебя видеть в неглиже!..

Пусть в аду смеются черти,
Но зачтётся под луной
Шёпот твой без всякой лести,
Стоны страсти подо мной.

* * *

Струится время как песок
Сквозь грань бездонного стекла.
Идут песочные часы.
Спешат, но мне спешить нельзя.

Усталый ветер перемен
Срывает даты календаря.
Летят забытые листки
В уснувшем небе сентября.

Как трудно удержаться на плаву,
Хватая воздух стылým ртом.
И до соломинки рукой
Тянуться всем чертям назло.

Мне в этой жизни не везло,
Но, может, раз хоть повезёт.
И буду снова королём,
А не смешным для всех шутом.

Но мелет время, как муку,
Людские судьбы в пух и прах.
И под осенние дожди
Одна дорога лишь для нас.

И важно всё-таки успеть
И доиграть, или допеть,
И роль, и песню до конца
Под тяжестью престола и венца.

Осень

Осенней порой собрал в хоровод листьев шёлк,
Могучей рукой кинул в костёр ветер-шутник.
Из тесных нор вышла на свет стая волков.
Очнувшись от снов, вырвался с горла сдавленный крик.

Сотни из тех, кто видел рассвет из тёмных берлог,
Подняли вверх глазницы времён, улыбку клыков.
Россыпи птиц в солнечном небе – это закон
Для оскаленных лиц тех, что смотрели с холмов.

Осень, солнце, мир без границ.
В небе сотни перелётных птиц.
Счастье, горе, жизнь в один миг.
Ветер с моря, озорной шутник.

Осень пришла, рассыпав в лесу жёлтый наряд.
Скоро зима скроет от глаз озёра воды.
Словно судьба, раскинет в долинах снежинки из карт.
Ну а пока звери гуляют последние дни.

Стая волков взобралась на холм, смотрит на птиц.
Даже щенков взяли с собой, скоро сезон.
Скоро охота для тех, кто уставился ввысь.
Призрак свободы сентябрьским солнцем тревожит их сон.

Осень, солнце, мир без границ.
В небе сотни перелётных птиц.
Счастье, горе, жизнь в один миг.
Ветер с моря, озорной шутник.

* * *

Дождь играет на крыше
Сгоревший в камине вальс.
Музыку моря слышу
Я в этот поздний час.

В доме зашторены окна,
В храме моём темно.
Луч восходящего солнца
Согреет меня теплом.

А пока только ночь
И танцующий дождь,
Свечей огоньки,
Призраки темноты.
Я жду тебя,
Приди!

В серванте пылится хрусталь,
Шампанское на столе.
По комнатам бродит печаль,
И я сажу в тишине.

Гитара висит на стене,
Картина минувшего дня.
А где-то в чужом дворе
Играет кассета моя.

А пока только ночь
И танцующий дождь,
Свечей огоньки,
Призраки темноты.
Я жду тебя,
Приди!

Евгению Комарову

Я зашёл сюда на полчаса
Выпить пива и уйти в никуда.
Докурить сигарету, попрощаться со светом
И взлететь – иль упасть – навсегда.

В изумрудных дворцах
Правят бал короли
И под музыку сна
Пьют бутылку любви.
В зажигалках страны
Огонь сатаны,
Свет далёкой звезды
И пустые мечты.
Увы...

Но настанет миг, когда будет пора
И мне уходить с золотого ковра.
И отбойник пробьёт, прокукует тот час,
Когда стены сольются с туманом для нас.

Будет дом из окон,
Как настанет весна,
Где в проекте бетон
В пыли кирпича.
Но не будет дворца
И не будет крыльца,
Только в небе звезда
Сгорела дотла.

* * *

Озорник бродяга ветер
Ветки тонкие качает
И, с рябинами играя,
Платья летние снимает.

В вальсе падающих листьев
Ты стоишь на остановке.
Огоньки машин, мигая,
Пробегают по киоскам.

Воротник подняв повыше,
Укрываешься от ветра.
Словно грустная принцесса
Уплывающего лета.

Не торопишься вернуться
Ты в уютную квартиру,
Где холодные подушки
Гладью вышиты игриво.

Где на окнах занавески,
Абажура красный свет.
А на полочках игрушки
В полумраке ждут рассвет.

Не грусти под вальс осенний,
Листьев жёлтых хоровод.
Под весенний звон капли
И к тебе твой принц придёт.

* * *

Где-то гуляет мой нож по чужим рукам.
Смерть свою средь берёз никому не отдам.
Тёмной полоской вьётся тропка моя.
Я сегодня один. Я пришёл сюда.

Красной кровью на белом снегу
Я оставил роспись свою.
Захлебнувшись на зимнем ветру,
Пропаду, пропаду, пропаду...

Словно раненый зверь,
Буду выть на луну.
Но вернуться назад
Я, увы, не смогу.

Где-то красным цветком расцветает костёр.
Краем глаза слежу, как пляшет огонь.
Еле-еле ползу, в лёгком сладкая боль.
Снег зубами грызу, умирает король.

Те, кто любит меня, те, кого я люблю,
Увидят мой след на алом снегу.
Я нашёл свой приют, и я ухожу
Мимо белых берёз, сквозь метель и пургу.

Крутая больница

Белые простыни, зелёные стены.
Запах йода, спирта и хлорки.
На подоконнике хлебные корки,
А внизу вой сирены.

В наше окно не заглянет луч солнца.
Наше окно выходит во двор.
В подъездах тени в белых халатах.
А под халатами нет ничего.

В перевязочной кровь и тампоны.
Гонг на обед звучит в голове.
Медсёстры приходят тихо во сне,
И раздаются под сводами стоны.

Под утро у всех зелёные лица.
Уборщица моет пустой коридор.
Справа сосед будет зло материться,
Когда девочка станет ему делать укол.

Это больница, крутая больница.
Что-то не спится, веки сон не берёт.
И остаётся лишь материться,
В этой жизни недолгой
Мне не везёт!

* * *

Пой, гитара, пой, струна,
Подпою, не струшу.
В серой дымке кабака
Пропиваю душу.

Но моя ли в том вина,
Что тоска заела?
Что голубушка моя
Птицей улетела?

Пусть играет мой дружок
На шальной гитаре.
Пригублю я под шумок
Водочку в стакане.

На колени посажу
Пьяную девчонку.
Пусть смеётся хоть она
Весело и звонко.

И рукою проведу
Я под юбкой пёстрою.
Буду я ей женихом,
А она невестою.

Сигарету закурю
Под мотив малиновый.
И графинчик закажу,
Ночь – она ведь длинная...

*Александрю Вертинскому
посвящается*

Сбылись слова, сбылись пророчества,
И мы расстались раз и навсегда.
Меня постигло одиночество,
Ваш след засыпала листва.

С кем Вы теперь? Кто Вас ласкает взглядом
И говорит фальшивые слова?
Или сидит за стареньким роялем,
А Вы стоите у окна...

Где Вы теперь? В Гонконге иль в Стамбуле,
Или в Париж забросил злобный рок.
А может быть, под солнцем Сингапура
У Ваших ног склонился морячок.

Но, может быть, напишете письмо
Вы с берега лазурного Гудзона.
А негр накинёт Вам пальто,
Когда Вы выйдете из дома.

Разлука – как расплата за грехи,
Которых мы не совершали.
Мы просто целовались до зари,
Мы просто пьяные влюблялись.

Случайный гость

Случайный гость стучится в дверь.
Иди, ему открой.
И шум гостей, и свет свечей
Напомнит о былом.

А дома нет, а есть тоска,
Веселье, пьянки до утра.
И тост второй – не за меня:
– За тех, кто в море, господа!

А ты прекрасна и стройна,
Плывёшь над дымом кабака.
Но прикоснётся лишь рука –
И ты на взводе. Ну дела!

Мелькают в окнах города.
И нас увозят поезда.
Гнилых вокзалов суета
И стук колёс. Беда, тоска...

Случайный гость стучится в дверь.
Зашёл на огонёк.
Но он к тебе пришёл, поверь,
Иначе он не мог.

Прости за боль чужих обид.
За то, что ты сейчас с другим.
За то, что слёзы по ночам.
За то, чего я не отдам.

И пусть опять горит свеча,
Но в сердце снова пустота.
Меня к себе ты не звала,
Я сам пришёл, вот в чём беда.

Но, может быть, в который раз
Сойду с ума от этих глаз.
К тебе я тихо постучу,
Открой же дверь, я не шучу!

Случайный гость стучится в дверь.
До нитки он промок.
И в эту ночь, и в этот дождь
Забывать тебя не смог.

* * *

В кабаке кричат: «Налей!»
Слышится гармошка.
Я с наперсницей своей
Посижу немножко.

Буду ей читать стихи,
Пьяный и уставший,
Про прекрасные цветы,
Что сорвал украдкой.

Ты прекрасна, весела,
Я ж угрюмо-гордый.
Отсмеялся навсегда
Я в этой жизни долгой.

Я шалил что было сил
И ходил романтиком.
Многих в жизни я любил
Одиноким странником.

Что ты смотришь на меня,
Дым пуская кольцами.
Для меня прошла весна,
Одинок я в горнице.

Ты как воздух мне нужна,
Милая бессонница.
Но пойми, что никогда
Не возьму невольницей.

На ладонь мою рука
Вдруг легла легонько.
– Знаешь, это ерунда,
Я с тобой сегодня!

За окном ревьёт пурга,
Ластятся метели.
У чужого мне окна
Плачут мои дети...

* * *

Эй вы, кони мои удалые,
Вы несите галопом меня
Там, где девки – красотки шальные
И где скрипка поёт для меня.

Пусть гитара поёт до рассвета.
Пусть заплачет под скрипку душа.
Я сегодня прощаюсь с летом
Под веселье и шум кабака.

Пусть цыганка блеснёт красотой,
Нас окутает ночь, словно в шаль.
И за стойкой с старухой седой
Заведу разговор про печаль.

Голос девочки звонче, сильнее
Колокольчиком рвётся с груди.
Ты моя ненаглядная фея,
Спой ещё за мои медяки.

Нас укроет от глаз ночь-шалунья.
Нас укутает тьма в чёрный мрак.
Я со спутницей, милой колдуньей,
Ухожу навсегда в листопад.

* * *

Опять напялив маску общего веселья,
Иду туда, иду туда,
Чтоб закопаться в грёзах навсегда,
Как после горького похмелья.

Пускай развеют думы о былом
Мои друзья, мои друзья.
Я с ними пробужусь ото сна
И буду улыбаться, как и все.

Пусть песни льются полноводною рекой,
Звучат стихи, звучат стихи.
И скажет: «Домой ты не спеши», –
Мне девушка с каштановой косой.

Мы с ней останемся вдвоём,
Но всё пройдёт и всё исчезнет,
И только в памяти воскреснет
Та притча о далёком и смешном.

* * *

«Погиб при исполнении» – строчка коротка.
Красивые узоры, да тяжела плита.
Не вырваться на волю, птицей не взлететь,
Сочинивши песню, да не спеть.

Что холоп, что боярин, приказ есть приказ.
Бутылку водки выпьешь ли зараз?
По скользкому склону сделаешь ли шаг?
Под стволом наведённым ходил ли хоть раз?

Сколько горя в глазах седых матерей.
День стал короче, ночка стала длинней.
Что скажут вдовам, а они сыновьям
Про погибших отцов, где теперь их душа?

Сколько их было, кто ушёл в никуда.
Цинковый гроб да алая звезда.
Старое кладбище, забытый погост.
Иней на ветках, хрустальный мороз.

Солнце осветит оградки в снегу.
По дорожке из слёз я прохожу.
Надписи читаю, на лица смотрю.
Хоть нельзя курить,
Я закурю...

* * *

Играй, шарманщик, играй.
Колоду карт раскидай.
Мартышке курить не давай,
Больна она чахоткой.
Вот так.

Эх, Россия-мать,
Долго ли будем страдать,
Долго ль по дорогам шагать,
Счастье на пятак менять?

Что ни ярмарка – балаган.
Что ни праздник – наливай стакан.
А на свадьбах друг друга бьют.
А за битого двух небитых дают.

Эй, ямщик, погоняй лошадей!
И поедем с тобой поскорей
По грязи, по ухабам дорог.
И ещё куда чёрт заведёт!

Может быть, ты напишешь письмо,
Только, жаль, вернётся оно.
Адрес мой – моя страна,
Не найти в ней адресата.

Так давай, шарманщик, играй.
Колоду карт раскидай.
Мартышке курить не давай,
Больна она чахоткой.
Вот так.

Последняя спичка

Вдоль рекламных щитов и тёмных дворов,
Погасших витрин и забытых машин,
Проходя царство снов и уснувших котов,
По радуге грёз я шагаю один.

Последняя спичка в коробке
Засветит мне маяком.
И сигаретный дым
Напомнит о былом.

Последняя спичка, будь осторожен –
Ветер-проказник из-за угла.
Спичка погаснет – кончится праздник,
А мне ещё жить, ещё петь до утра.

Последняя спичка в коробке
Засветит мне маяком.
И сигаретный дым
Напомнит о былом.

Свет ночных фонарей и полночных огней
Играет на бис мелодию крыш.
А ты в небоскрёбе, в кровати убогой,
Рассвет на подушке, с куклой поспишь.

Последняя спичка в коробке
Засветит мне маяком.
И сигаретный дым
Напомнит о былом.

* * *

Пачка сигарет заброшена в угол,
Чтобы наутро дрожащей рукой
Достать, затянуться и с каждым новым вздохом
Мешать с табаком алкоголь.

К холодному крану припадая губами,
Глоток за глотком тушили пожар.
Непослушные пальцы рюмку сжимали,
Чтобы принять вовнутрь небесный нектар.

Тебе хорошо, хочешь смеяться.
На диване в углу кто-то сопит.
– Эй, Дюймовочка, пора просыпаться,
С кем ты пришла? Где твой кавалер?

Вчера перебрали, сегодня добавим!
– Кто молодой? Кому за водкой бежать?
Как у Серёжи – «Мы столько читали
О вреде алкоголя, что перестали читать».

– Включи-ка музон! Ты любишь «Алису»?
А мне бы Вертинский сейчас подошёл...
Уже прибежали? Давай-ка добавим!
И снова бутылок чарующий звон.

Петька

В красных палатах гуляет народ:
– Жениху с невестой любовь да почёт!
Веселились бояре на все лады,
И Петруху пригласили за три струны.

Колпак на глаза, балалайка в руках.
– Сегодня мы будем с тобой при деньгах!
Вприсядку идёт, бубенцами звеня.
Так развернись под рубахой, душа!

Вино по бокалам, ложкой икру,
Гуляют бояре, забывши тоску.
– Ай да Петруша, ай молодец!
Спой про невесту, весёлый стервец!

Винца отхлебнул, балалаечку взял,
К песне аккорда три подобрал.
Песня с души рекой потекла,
Да захлестнуть певца не смогла –

«Как весёла свадьба нынче на дворе.
Девушка-красавица сидит в тоске.
Дивну косу расчесала гребешком,
Ей сегодня венчаться с женихом.

Милый во солдаты осенью ушёл.
Набежали сваты к отцу за стол.
Видно, на роду идти за купца.
Сколько слёз пролито, и всё зря».

Пел Петруха песню, на невесту глядя.
По щеке румяной покатилась слеза.
Ручкой белоснежной вытерла глаза.
Только за слезою – вторая слеза.

Загуляла свадьба, зашумел народ.
Дело идёт к драке, доставай свой нож!
Налетели на Петруху парни спьяна.
Развернулась да свернулась душа.

Расколосась балалайка, и колпак в крови,
По ступеням Петьку парни волокли.
Возле забора бросили в грязи,
Губы тихо прошептали: «Господи, прими!»

Отгуляла свадьба, отшумел народ,
Только вот ночами купчиха слёзы льёт...

АТОМОХОД

Песня написана по мотивам фильма «Крик дельфина», СССР, 1987. Режиссёр Алексей Салтыков. Сценарист Николай Черкашин (по собственной повести «Тайна «Архелона»»).

За милею миля идём под водой.
В глубинах пучины – играем с судьбой.
Наш путь бесконечность, наш козырь – азарт.
Но в главном генштабе – там нет наших карт!

Атомоход плывёт.
Капитан командует:
– Полный вперёд!
Должно повезти,
наш козырь – мечты.
И мы ещё будем в чести у господ!

На теле проказа, подставили нас.
Мы все в чёрном теле, играли на вас.
Но сейчас – берегись, земля!
Чёрный бриг распустил паруса!

Атомоход плывёт.
Капитан командует:
– Полный вперёд!
Должно повезти,
наш козырь – мечты.
И мы ещё будем в чести у господ!

На пеленге лайнер, ну что ж, хорошо.
Вчера был круиз, сегодня на дно.
Мы выловим тех, кто на плаву,
Да только для них было б лучше – ко дну!

Мадам, не стесняйтесь наших язв, наших ран,
Иначе вас ждёт голубой океан.

В каютах бедлам, воду режут винты,
Мы нарушаем спокойные сны.

В шахтах торпеды в стальных корпусах.
Взовьются ракеты, цель – города!

Атомоход плывёт.
Капитан командует:
– Полный вперёд!
Должно повезти,
наш козырь – мечты.
И мы ещё будем в чести у господ!

Лес

В глуши лесов, где ветер замедляет бег,
Наткнувшись на верхушки стройных сосен,
Где осень празднует рассвет,
Осыпав листья позолотой,
Дух древних сказок и легенд
Летает над лесной страной.
Тревожит мой ночной покой,
И закипает кровь, бурлит рекой,
Быстрее струясь по венам.

Здесь нет слов пустой болтовни,
И лес хранит тайны шалуньи весны.
Костры созывали народ в хоровод,
Священным огнём зажигали восход.

Сосны застыли в почётном строю.
Ветер поёт песню свою.
Берлоги медведей, норы зверей
Надёжно укрыты от взглядов с полей.

Стая волков по древней тропе
Вышла на берег к лазурной реке.
Ивы склонились к прозрачной воде,
Словно царевны, застыли в тоске.

На мелководье, где растут камыши,
Песни русалок под вечер слышны.
Суженых ищут невесты весны,
Вниз по теченью пуская венки.

Этот лес – только привал
Для тех, кто устал
В пути.
В небе огни, тысячи звёзд,

Светят в ночи каплями слёз.
Усни.

Гнилые коряги, трухлявые пни
Помнят морозы лютой зимы.
Птицы в полёте падали вниз,
День замерзал в красках палитр.

Здесь на полянах роса под дождём
Горит, как хрусталь, волшебным огнём.
Духи земли на века берегут
Край заповедный, последний приют.

В бездонных проёмах, в топях болот,
Тень водяного порою мелькнёт.
В дуплах деревьев, скрываясь от глаз,
Прячется леший в солнечный час.

Сказочный лес деревянных богов,
Идолов неба, праведных снов
Многих под сенью своей приютил,
Стеною оврагов надёжно укрыл.

Этот лес – только привал
Для тех, кто устал
В пути.
В небе огни, тысячи звёзд,
Светят в ночи каплями слёз.
Усни.

* * *

Ночью выпадет снег.
Я прочёл это в твоих глазах.
Но я тебя не отдам
Этим холодным снегам.

Метель заметёт все дороги.
Мороз скуёт льдом реки.
В Родительскую субботу
Зажгутся свечи,
И мы сядем тихо, как дети,
Приобщённые к таинствам Марта.

Нальём по бокалам вина
И будем смотреть друг другу в глаза.
Будем всех вспоминать у окна,
Кто ушёл в царство вечного сна.

Серебряный снег спадает с небес.
И кажется нам, что это навек.
И время порой замедляет свой бег,
И смерть стучится клюкой.

Но ночь отступает под свежестью дня.
Рассвет заглянет с усмешкой в глаза.
Капель барабанит в окно.
Наверно, нам повезло.
И ты улыбнёшься сонно и пьяно
И тихо промолвишь: «Я так устала...»

Я на руках тебя отнесу,
На простынь – прохладу – тебя положу.
Спи, моя девочка, ты так устала.
Конец был так близок, но снова начало.
И в небе зажглась звезда.
Это настала Весна!

* * *

Всё сгорело, бывшее запорошено пылью,
И лишь возле камина отблеск свечи.
Из рассказов дедов у легенд появляются крылья.
И лишь твой шёпот сквозь ночь: «Не уходи...»

Второпях, впопыхах гулко звякнули ножны.
Нас застанет рассвет на дальнем посту.
Чтобы спали спокойно в домах наши жёны,
Каждый раз мы уходим от них на войну.

А шальная стрела, как беда, неожиданно свистнет.
Лук тугой под рукой, запоёт тетива.
Но я знаю, от боли побратим мой не вскрикнет.
Только губы сожмутся, как из раны польётся руда.

Мы делили с ним щит в жаркой яростной сече.
Мы ломали краюху, запивая водой.
А теперь на руках моих его сильные плечи,
И над нами склонился его конь боевой.

Пусть обмоет Перун его тело водою.
Пусть Дажьбог его душу возьмёт на костре.
Мы сомкнули ряды, и граница опять на запоре,
И без дела не спят, не ржавеют мечи.

* * *

Мама, не рассказывай мне сказки,
Я давно в принцесс не верю.
Детство за закрытой кем-то дверью
Сладко спит, сопя в подушки.

«Мама, не рассказывай мне сказки!» –
Я царапаю на лавке.
И осталось мне лишь в баньке
Кости греть горячим паром.

Воробьишко желторотый
Прилетит поклянчить крошки.
– Мама, Солнышко в окошке!
Только я ему не верю...

Жизнь, что старая старуха,
Отгулялась, отсмеялась.
Всласть попила и поела,
А теперь пора в могилу.

Хватит, мама, надоело.
Сказки ты оставь для внуков.
Я присяду возле двери,
Закурю – и в путь-дорогу...

Июль 1996

* * *

Я убегая от грозы!
– Давай-ка поиграем в прятки!
И я несусь без оглядки.
А сзади тащится она.

– Ну что, старуха, сколько лет
Ведёшь охоту за железом?
Но я, не будь таким балбесом,
Отбросил сей опасный груз!

И я парю под облаками,
Выделяваю в небе кренделя.
Лечу, казалось, на ура!
– Ну что же ты замешкалась, Гроза?

Пишу я в небе пируэты –
Там «петли» разные и «бочки».
Ах, чуть не сорвал цветочки,
Чтоб подарить тебе меня!

Была бы ты молоденькой девчонкой,
Я бы замедлил свой разбег.
Но ведь тебе двадцатый век!
А там ещё – кто знает сколько?

Лечу, ах, как я лечу!
Куда там молодым пилотам!
Без самолёта, по полётам,
Орлы во мне орлёнка признают.

Когда-то был я человеком...
Но был убит в воде грозой...
– Ну что, старуха, померимся со мной?
На складе ангел подарил мне крылья!

* * *

Сколько я страдал, думал и гадал,
Ты ушла, а я остался под луной один.
Ты сказала, что уходишь, чтобы я простил.
Что же делать, ведь я тебя любил и не забыл,
Ведь я мечтал и молча ждал.

Говорят друзья: не страдай ты зря,
Сколько девушек красивых в городе, не счесть.
Только что они, мне нужна лишь ты,
Ты одна для меня на белом свете есть.
Прошла весна, а я люблю тебя.

На гитаре я песню подобрал,
И её я друзьям подарил своим.
Пусть звучит в ночи голосом чужим,
Ты её услышишь точно под луной в тиши.
Это песня лишь про то, как тебя я ждал.

По аллее я в сумерках иду,
Эту песню про тебя – про себя пою.
Падает листва, и пройдут года,
Пусть останется хоть эта песня про тебя.
Любовь моя, я жду тебя!

Как я страдал, и всё мечтал,
Но, увы, не сбылись мечты.

Июль 1995

* * *

Ну, давай, играй, гитара,
За тоску мою большую,
Что на сердце камнем сжалась,
Как беззубая старуха.

Пусть поставят в церкви свечку
За судьбу мою шальную.
В этой жизни был я грешен,
Но, в грехах узнав паденье,

Я летел за сновиденьем,
Я бежал по полю с рожью,
На ходу срывал колосья,
Зёрна ел, посыпав солью.

Прожил я свой век дорогой.
Знал я счастье, знал и горе.
С босоногою девчонкой
Ночи коротал в соломе.

Выпив чашу полной жизни,
Я любил порою многих.
И с попутчицей ночною
Я крутил напропалую.

Пусть зачтётся за весёлость,
За улыбку, что сквозь слёзы
Выжимал, звеня гитарой.
За блатные три аккорда.

За стихи, что сам придумал.
Что летал подобно птице,
Но, с небес упавши камнем,
Снова я взлететь стремился.

Кассета

Исходил по свету тысячи дорог,
Истоптал подошвы сотен башмаков
И принёс из странствий я бесценный груз,
Целую кассету песен разных городов.

На магнитной плёнке песни разных лет,
Песни подворотен, не выдавших свет.
Что ни певец, то восходящая звезда,
Играет на гитаре до утра.

Песни, забытые песни звучат.
Любям любовь и радость дарят.
Пусть играет кассета моя,
Пусть звучит для тебя и меня.

Из дома, что напротив, из окна,
Звучат мелодии сегодняшнего дня.
Они, быть может, тоже хороши,
Но здесь не зазвучит, что любишь ты.

Мотается кассета, динамик захрипел,
Магнитофон уставший от пыли поседел.
А мы готовы слушать все ночи напролёт
Мелодии любви, истории невзгод.

Песни, забытые песни звучат.
Любям любовь и радость дарят.
Пусть играет кассета моя,
Пусть звучит для тебя и меня.

* * *

В кабаке играет скрипка,
Веселится сброд.
И красивая мулатка
Песенки поёт.

У неё глаза газели:
– Как вы все мне надоели! –
Говорит она матросам
Без забот.

Солнце море приласкало,
И в забытый порт
Чёрный бриг забросил якорь
Навести ремонт.

Капитан сошёл на берег
С трубкою во рту
В кабаке обдумать думу,
Отдать дань вину.

Увидал глаза девчонки,
Понял, что погиб.
Заказал бочонок рома
На двоих.

Но глазёночки газели
Атамана отрезвели,
Кружки на пол полетели
И разбились вдрызг.

– Атаман, меня не купишь
За свои гроши.
Ты в соседнем, красном доме
Девоч поищи.

Ты уйдёшь, а я останусь
Ждать тебя.
Но в далёких южных странах
Ты предашь меня.

Капитан вернулся ночью
На свой бриг.
И пошёл в свою каюту,
Заперся один.

Вспоминал глаза газели,
Губы алые алели
Перед взором воспалённым
У него.

А наутро на рассвете
Шлюпку он спустил.
Сундучок, где шёлк и бархат,
Он в неё вложил.

В кабаке, где все бродяги,
Девушку нашёл.
Перед ней шелка и бархат
Расстелил на стол.

– Остаюсь с тобой навеки,
Только моряком.
Буду я ловить удачу
Рыбаком!

В кабаке играет скрипка,
Веселится сброд.
И рыбак свою мулатку
К пастору ведёт.

* * *

Осень на мольберте акварелью
Листья жёлтые нарисовала.
Осень тихо в двери постучала
Кареглазою девчонкой.

Ты пришла негаданно-нежданно.
Я в смятенье, к встрече не готов.
Ты присела на краешек дивана,
Как принцесса из далёких снов.

На тефлоне ты пожарила глазунью.
Я достал хрусталь, налил вина,
И в глазах бездонных с болью
Отражалась вся жизнь моя.

Безумный художник, на грубом холсте
Тебя рисовать мне, увы, не под силу.
На простыни белой, как на белом листе,
Ты мне отдаёшь целебную силу.

Я заплутал в твоих волосах.
Я листья срывал, прощаясь с летом.
Как ветер деревья в лесу – раздевал,
Тебя убаюкал я лишь на рассвете.

Тебя поцелую, когда ты проснёшься.
Гитару настрою, со шкафа сниму.
Дворовые песни тебе я исполню,
О прекрасной любви пропою.

С пожелтевших страниц сдую пыль,
И польются стихи полноводной рекой.
Сокровенные мысли безумных идей
Я дарю кареглазой своей.

Безумный художник, на грубом холсте
Тебя рисовать мне, увы, не под силу.
На простыни белой, как на белом листе,
Ты мне отдаёшь целебную силу.

* * *

В моём взгляде боль.
В моём слове гнев.
Я играю роль.
Я натянут как нерв.

Опять на сцене умирать
Под аплодисменты зала.
Опять грубить, опять стонать
И на дуэль всех вызывать
Чертей из ада.

И вот, спектакля под завязку,
Сегодня я умру всерьёз.
Но, кровь приняв за краску,
А бледность на лице – за маску,
Наш зритель к смерти не готов.

Пронзённый шпагой упаду
На старые подмости.
Рубахи ворот расстегну,
Любимой имя прошепчу,
Скребя обшарпанные доски.

Пускай сегодня бенефис
И рукоплещет стоя щедрый зритель.
Она сказала мне: «Артист –
Не профессия, а лишь каприз!
В тебе таланта нет, ты лишь любитель».

Она ошиблась, боже ей прости.
Я разыграл дуэль по пьесе.
И вот теперь, хоть плачь, кричи,
Залейся в смехе или промолчи,
Мне не играть на этом свете.

Нам рукоплещут, цветы кидают с зала
И просят встать, но я уж не могу.
Ко мне бегут, но кровоточит рана.
Я доиграл, в руке зажата шпага.
Я ухожу, я ухожу...

Нищенка

Опять, уставшая, она едет домой –
Потёртые тапки на тонкой подошве,
Болоньевый плащ из комиссионки,
На голове старый платок.
Да, не везёт, ну что же тут делать,
Хочется спать, всё надоело.
Но дома малыш ждёт шоколадку,
Мамин взгляд и мамину ласку.

Нищенка – минимальный оклад.
Нищенка – сколько вас по России не спят.
У кроваток сидят малышей:
– Милый мой, спи, засыпай поскорей!

Считая мелочь на жетончик метро –
Ездить на работу тебе далеко.
На полбуханки хлеба и молоко,
Сквозь слёзы улыбаться, увы, нелегко.
Ночью думать, во что сына одеть,
Чем приласкать, что дать поесть.
Пальтишко на вырост взяла у соседки,
А жизнь утекает в каменной клетке.

Нищенка – тебе всего двадцать пять.
Нищенка – нет счастья, тебе говорят.
Где-то рядом жизнь бьёт ключом,
А у тебя – работа и дом.

Вечная очередь, чтоб взять подешевле.
Мясо, увы, влетает в копейку.
В троллейбусе давка, все ноги истопчут,
Но нужно ехать к родному ребёнку.
За что эти муки, за какие грехи?
Впалые щёки, под глазами круги.

Заботы, заботы, боже, ответь...
Как надоела вся круговерть.

Нищенка – минимальный оклад.
Нищенка – сколько вас по России не спят.
У кроваток сидят малышей:
– Милый мой, спи, засыпай поскорей!

Город

Старые песни звучат отголоском эха
В новых кварталах.
Серое небо зажглось на миг
И тут же потухло.
Дождь подмывает дома, оставляя следы
В уютных парадных.
Ты помнишь, как всё начиналось
В старых тёмных подвалах.

Но серое небо осталось таким же
Серебряно-серым.
А мы не всплыли наверх, опустившись
На самое дно.
Может, нам не дано, может, это
Было запретно,
Только потёртые струны плачут
Порой о былом.

Город был пьян, он шатался,
Пугая прохожих.
Как полупьяный факир, зажигал на бис
Свои фонари.
Мосты и дворцы закружили в танце
Таких не похожих
Друг на друга людей, разрывая
На клочья мечты.

Вынь да положь, вот притча
Всех притчей.
Новые лозунги старой окраски
Красят нам жизнь.
Что вам до тех, кто вены
Вскрывал до затишья?
Что вам теперь, кто готовит
На кухнях ЛСД?

Город не спал, он устал бродить
По проспектам.
Озябший, промокший, с портвейном
В правой руке.
Опираясь на купола, защищаясь
От ветра,
Перешагивал речки, на закуску
Краюху припрятав в мешке.

А мы всё играли на кухнях
За тех, кто не взял три последних
Аккорда.
А мы сочиняли стихи за тех,
Кто не дописал.
И улыбались под утро
Счастливо и сонно,
Записав на кассету все
Мысли свои до конца.

Город долго бродил и уснул
Под утро тревожно.
Он вздрагивал телом, асфальтом,
Забором домов.
Когда первый трамвай развозил
На работу кого-то,
Мы пожелали ему добрых,
Ласковых, сказочных снов.

Декабрь 1995

* * *

Раскурил я сигаретку
На двоих с бродягой ветром.
По два «парика» пустили,
Будто мы давно знакомы.
Всё, что было грустно,
Мы забыли.
Словно дети веселились
И над шутками смеялись,
Чтоб следы печали скрылись.

Время лучшее лекарство
Для души, что всё летает.
– Ты меня не понимаешь! –
Мне твердит в пивнушке пьяный.
– Не гони, чужак, не надо.
Как тебя понять могу я,
Коль себя не понимаю
В этом мире, где в стакане
Видишь прошлое льняное.

Бьют часы, проходят годы.
Седина засеребрилась.
Дети бегают, резвясь,
А тебя зовёт туда же –
Где глаза темнее ночи,
Где канкан и звон гитары.
Где стихи подобно птицам
Вверх взлетают в поднебесье,
Чтоб потом навек разбиться.

Раскурил я сигаретку
На двоих с бродягой ветром.
Кучу сказок рассказал он
О дорогах бесконечных.

Сотни песен он исполнил,
Подыграл их на гитаре.
И, расставшись у порога,
Уходил он в неизвестность
В рваных джинсах на рассвете.

Декабрь 1995

Зима

В который раз пришла зима
Негаданно-нежданно.
И закружила, замела,
И покрывало соткала
Из белоснежной ткани.

Упрятав реки под хрусталь,
Накинув белую вуаль
На сонные дубравы,
Запела песни под окном,
Засыпав снегом старый дом,
Берлоги и овраги.

Зима всех поздравляет с Рождеством.
Зажгутся свечи за столом.
И губы шепчут те слова,
Что говорили все века:
– Люблю тебя, люблю тебя!

И закружится хоровод.
И веселится весь народ.
Но руку лишь рука нашла,
И, нежно пальцами ведя:
– Люблю тебя, люблю тебя!

Дороги снегом замело,
Сугробы по колено.
В избе уютно и тепло,
Трещат в огне поленья,
Счастливые мгновенья.

Уснул на печке старый кот.
И во дворе метель поёт,
То ль плачет, то ль кого зовёт...

Узор ложится на стекло,
Приходит ночь, темным-темно.
Царица сновидений...

Луна подкралась тихо в дом.
Деревня засыпает сладким сном.

Декабрь 1995

Крылья

Нас не пускали – крылья обрезали,
Чтоб не могли как птицы мы летать.
Но улетали, да, мы улетали,
Чтоб Солнце Красное достать!

Крылья сломали, крылья сожгли.
Днём выпал снег, и остались следы –
Здесь прошли их сапоги!

По тёртому снегу нас волокли
В лагерь Гостей, в лагерь Костей.
Били, пинали, насылали Зверей,
Рвали одежду за святость Идеи!

Завтра утром расстрел!
Для тех, кто умел Летать.
Тех, кто парил, теперь заставляют стонать.
Завтра расстрел!
И дрожь не унять, пока...
Солнце рыжим пятном заставляет мигать
Глаза!
Завтра утром расстрел!

Плаха пропитана кровью богов.
Виселица стонет под тяжестью тел.
Но это ещё не предел!
Завтра будет расстрел!

Серые камеры набиты людьми,
Где крысы играют с тобой в чехарду.
Где сквозь решётку видишь луну,
А за штыком – темноту...

Нас утром выводят на каменный двор,
Слева убийца, а справа вор.
И нам читает наш приговор
Старый, охрипший, больной прокурор.
– Да это же вздор!

Убийца убил солдата за то,
Что тот изнасиловал зверски жену.
Вор воровал, потому что ему
Нечем кормить больную сестру.
– В тюрьму! Под расстрел!
А этот летал, куда хотел!
Значит, окончился их беспредел.
Предел...

Сегодня утром расстрел!
Для тех, кто умел Летать.
Тех, кто парил, теперь заставляют стонать.
Сегодня расстрел!
И дрожь не унять, пока...
Солнце рыжим пятном заставляет мигать
Глаза!
Сегодня утром расстрел!

Нас отвели к высокой стене.
Не перелезть, не обойти.
Но я чувствую – они стали расти...
Но скоро последует: «Пли!!!»

Нежные крылья в белом пуху
Тянутся к Солнцу, к свету, к теплу.
Но только не на Войну,
Они презирают тюрьму!

И мы успели взлететь в небеса
И посмотреть на них с высоты.
Солдаты стояли, раскрывши рты.
А мы купались в рассвете зари...
Мы покидали пределы страны...
Мы покидали пределы Земли...

Увы.

Декабрь 1995

* * *

Осень, улетают птицы навсегда.
Солнце опалило листья на века.
Крики яростней и громче, стонов нет.
Мы вошли без стука, очень осторожно, ждать рассвет.

За игривым летом смерть крадётся следом по пятам.
Я тебя согрею, нам вдвоём теплее будет там!

Травы шепчут перед домом: скоро снег.
Гады, ожидая кары, ускоряют бег.
Ночь скрывает правду от глаз.
Дождь несёт прохладу в последний раз.

За жёлтой листвой разольётся белый покой рекой.
Да перестань ты дрожать, – но дрожь не унять рукой.

Смерть несёт холод и тьму.
Верь, будет голод в лесу.
Не бойся, я тебя не отдам снегам.
Зачтётся, всё это зачтётся богам!

За морозом и льдом придёт в наш дом апрель.
Будут трели звучать, будет в окно стучать капель.
Поверь!

* * *

Я верю в тебя, хотя нахожусь в аду.
В огне я пляшу, на радость или беду,
Свой взгляд устремляя наверх, где царствуешь ты.
Мне до тебя целый век идти – не дойти.

Кто я такой? Изгнанный с неба глупец
Или восставший из ада безумный наглец?
Священным огнём полыхает порою душа.
Но сколько людей сгорело в страшном танце костра!

Не беда, что дрожала струна, а голос хрипел.
Ты же взлетел и ходил босиком по воде, как по земле.
После концерта пальцы разбиты в кровь.
Посмотри, раны твои не зажили, Господь!

В стае волков – волчий закон, но здесь можно жить.
Быть на луну и землю в бессилии грызть.
Быть рабом у людей – разве это удел?
Лучше бритвой по венам или к виску самострел.

Сколько тех, кто мечтал, но мечта не сбылась.
Ей обрезали крылья, втоптав сапогами в грязь.
Кто летал во сне, а проснувшись, упал.
Кто наткнулся на спины и, разбившись, стонал.

А душа, что страдала в теле, порой не у дел.
Кто хотел, мог её изнасиловать за святость идей.
Тонет в водке, струну оборвав на ладу.
Боже, верю в тебя, не оставь же в аду!

* * *

Мы так давно ждали тёплого лета.
Мы так давно ждали Красного Солнца.
В уютных квартирах, у холодных окон,
Смотрели на снег глазами ребёнка.

Пришла весна, принесла с собой стужу.
Застёгивали куртки до самого горла.
Грязный снег месили ногами.
Промокали ботинки в холодных лужах.

Огонь зажигалок защищали от ветра.
В походах грелись в уютных парадных.
Вместе с табаком вдыхали сырость.
А мы так давно ждали тёплого лета.

Лето пришло с проливными дождями.
Чёрные тучи повисли над домом.
Хотели на речку, в лес, на природу,
Но мокли под потоком сумасшедшего ливня.

Хотелось прогреть тело на пляже,
А здесь на лице капли как слёзы.
Ломали зонты порывы ветра,
И мокли в кармане мои сигареты.

Мы так давно ждали тёплого лета.
И лето пришло, с сезоном ураганов.
Испортили сон, полив грязью окна.
Развеяли в прах мечты ребёнка.

* * *

Алые розы на белом белье.
Злые шипы – красиво, но больно.
Капля за каплей пьют кровь во мне.
Хочется крикнуть:
– Хватит! Довольно!

Ведьма свела парнишку с ума.
Страшное «буги» танцует по миру.
Тело моё посетила чума.
С розы твоей пью целебную силу.
– Я болен СПИДОМ!
Я болен СПИДОМ!

Чтобы других не заражать,
Я заражаю меня заразившую.
Ночью наш танец – это война!
Ты вытворяешь порой номера,
Со стоном и плачем летишь в никуда.

Пружина на взводе, слово – упрёк.
В мой адрес бросают странные взгляды.
Капюшон на глаза, колокольчик на шею.
Быть прокажённым – не нимб ли святого?
Не этого ли вы хотели, гады?

Я заражён, но я не больной!
Думать о смерти – смерть призывать!
Руку порезать и руку подать...
Даже друзьям – лгать, лгать, лгать...

Кто победит в страшном танце в ночи...
Крепнут оковы, черпая силы,
В розе твоей ржавым гвоздём
Я вырезаю своё имя.

Хочется крикнуть, так не молчи.
Больно тебе – губ не сжимай.
Солнце зажглось, время замёрзло.
Твой шёпот сквозь стон:
– Не вынимай!

* * *

Я тебя встречу, ты пройдёшь мимо.
Я не окликну, ты меня не узнаешь.
А раньше всё было иначе –
Крепкий кофе, на двоих сигарета.
По ночам ты в подушку плачешь,
По вечерам я смотрю на время.

Коньячные блюда сладки под закуску,
Но тяжело похмелье, если ты перебрал.
Посуда стоит сиротливо –
Её нужно помыть,
Но тебе хочется пива.
И хочется спать – привал!

Думы мои лажа, слова враньё.
К этому ты привыкла давно.
Я перестал строить замки.
Мои поля – хлеб, реки – вино.
Песочные стены размыты давно,
И возводить их нет сил и желанья.

Мы как-то расстались в сумерках дней.
Левые мысли безумных идей
Тревожат мой сон.
Но что с того, что я пьян,
А ты спишь с другим.
Разве это конец для того, кто любил
И сжёг твои письма на радость людей?

Это начало игры без правил.
Свод законов, где нет наказаний.
А может, всё иначе –
Петля оплела беззащитное горло.
Хочется крикнуть, но раздастся лишь хрип:
– Не уходи! Останься на миг!

* * *

В твоих глазах горит бесовский огонь.
В твоих снах бродит чёрный конь.
По зелёной траве. По весне.

На плече твоём цифра – шестьсот шестьдесят шесть.
На белом плаще – чёрный вышивкой крест.
За какую веру ты пошёл воевать?
Взяв в руки меч, позабыв про мать.

Ты попирал веру людей,
Неся на древке знамя Христа.
На острие злого копья
Капли крови жён и детей.

Золото бьётся о дно сундука.
Строятся замки под небеса.
Орден имеет силу и власть.
Головы с плеч, люрует палач.

Стрела подкрадётся неслышно в тиши.
В дубравах лесов, в глухоманной дали.
Жало пробьёт твои позвонки.
И лишь хриплый стон и кровь на ладонь.
Померкнет свет, канет в прошлое сон.

На лесную дорогу выйдут три удальца.
В зелёных одеждах, голубые глаза.
Чёрные стрелы летят прямо в цель –
В рыцарей бога, в душу чертей.

В застывших глазах бесовский огонь.
Кончилась жизнь, погрузившись в сон.
Рядом с тобой твой верный конь.
На красной траве. На красной листве.
На земле.

Июль 1996

* * *

Николаю

Осень на подушку ржавых листьев набросала.
Осень, ты пришла и небосвод с собой забрала.
Приковала чёрной мглой к простыням.
Свет и солнце ты забрала навсегда.

Струну подтяну, по асфальту пойду.
Белой тростью по плитам, до скамейки дойду.
Песни с собой, что сочиню,
Прокричу, проору, прохриплю!

Птицы, вещие птицы, летите.
Душу мою с собой заберите.
Увидеть хочу с высоты
Просторы родимой земли.
Поля и леса, голубые озёра
Да девушку в светлом у белой берёзы.

На мятые, рваные деньги, что в кепке,
Буханку куплю и ещё сигареты.
И голос сквозь мглу: «Колька, ты ли, дружок?» –
По венам, по жилам ударит как ток.

Не плачь, не грусти, я понял, я знаю,
Дороги одни, только мне не до рая.
Я рад, но мне больно – наверно, больной –
Нежный твой голос слышать рядом с собой.

Зовёшь меня в гости – не надо, зачем?
Я чаю попью у себя на крыльце.
Зачем горячить охлаждённую кровь?
Поверь, это жалость, совсем не любовь.

Не вижу ни зги, а ещё целый вечер.
Наливаю стакан, говоря: «Ну, до встречи!»
Забудусь, смеюсь, улыбаясь, бренчу,
Пусть все узнают, чего я хочу!

Птицы, вещие птицы, летите.
Душу мою с собой заберите.
Увидеть хочу с высоты
Просторы родимой земли.
Поля и леса, голубые озёра
Да девушку в светлом у белой берёзы.

* * *

Я приду, я прорвусь сквозь туман и вместе с дождём
В этот город ворвусь морским просоленным ветром.
И, укрывшись от глаз ночью – чёрным плащом,
В твои окна войду лунным бархатным светом.

Пусть мне скажут, что это враньё.
Пусть меня оклеветают живые.
Но дарить не устану тепло
Я своей полусонной богине.

Отражённый в тысячах лун,
Я покоя твоего не нарушу.
Кто мне скажет, что я лгун?
Согреваю не тело, но душу!

Уготован нам краткий век.
Ветер сжѐг горящий светильник.
Часовщик, ускоряя нам бег,
Нам завѐл неисправный будильник.

Я приду, я прорвусь сквозь туман и вместе с дождём
В этот город ворвусь отголоском горного эха.
Я исчезну под утро с первым светлым лучом,
Потеку по ручьям зимним тающим снегом.

Дожди

Дожди, в который раз идут дожди.
Асфальт давно уже промок насквозь.
И лужи убегающих дорог
Мне говорят: ты подожди.

А я шагаю вдаль, как пешеход.
Смотрю, как листья мокрые блестят.
Они, быть может, что-то говорят,
Но я иду вперёд.

К чему мне пачка мокрых сигарет,
Когда в кармане спичек нет.
Когда твой номер в голове,
А денег для жетонов нет.

Дойду по лужам я, дойду.
Пять остановок добреду.
Но голос скажет мне мужской:
– Сегодня вечером она со мной!

Дожди, опять иду я прямо в дождь.
Опять ногами грязь месить.
Спросить у парня прикурить,
Намокнет быстро, ну и что ж.

Но сзади туфельки стучат.
И крик души: «Ты подожди!
Мой милый, ты меня прости».
Я не в обиде, даже рад.

Дожди, и капли на лице.
А может, слёзы на щеке.
И платье мокрое твоё,
И почему-то так легко...

Прокажённый

Ветер разгулялся – пыль в глаза.
Из тугого лука пущена стрела
И летит неведомо куда...
В небеса, в небеса, в небеса...

По тропе, по тропке, преодолевая боль,
Прокажённый шёл, неся посох свой.
Звонкий колокольчик слышно далеко...
Люди не пускают в село...

Язвы на теле, птиц весёлые трели.
Да мы же летали, когда нам давали.
А теперь дороги от дворца до берлоги.
Мимо топи да мхов, куда бог приведет.

Колокол могучий, я лишь отглас твой,
Медный колокольчик над бурною рекой.
И предсмертный возглас слышится во тьме:
– К беде, к беде, к беде...

Сердце в рёбрах бьётся, да не смеётся.
В клетке замочек, щёлк на крючочек.
Лучше уж помолчи, плачь, не кричи,
Съедены калачи, не взыщи...

Эх, судьба-злодейка! С посохом великих старцев
Выбирала тропу на закат в темноту.
Раньше стены дворцов, постоянных дворов,
А теперь пещеры да сырые стены.

Колокольчик на шею, капюшон на глаза,
По дороге вселенной на года, сквозь века,
От восхода светила до заката в могилу,
Крест неся на горбу да злую судьбу,

По осенней грязи, по дорогам земли,
По опавшей листве, с сумой на плече,
Где краюха хлеба, чаша для воды,
Прокажённый шёл, неся свои грехи.

Мимо сосен, берёз и чащобы лесов,
Мимо топи болот, мимо яви и снов,
Деревянных богов и уснувших домов,
Мимо сёл, городов, куда бог приведёт!

Летучий голландец

Паруса рвались на ветру.
Разгулялся в глубине Нептун.
И трещали мачты наших шхун,
Но не просто нас пустить ко дну.

Порты для нас закрыты.
Назад дороги нет.
Костяшки пальцев сжали
Уснувший пистолет.

На теле рулевого
Кинжал застыл в груди.
О нас забыл Всевышний,
И кровь созревшей вишней
Всё каплет на мостки.

Волны катились волна за волной.
Смерть не мигая смотрела в лицо.
Ну что тебе надо, старуха седая?
Тебе не подвластны мои корабли!

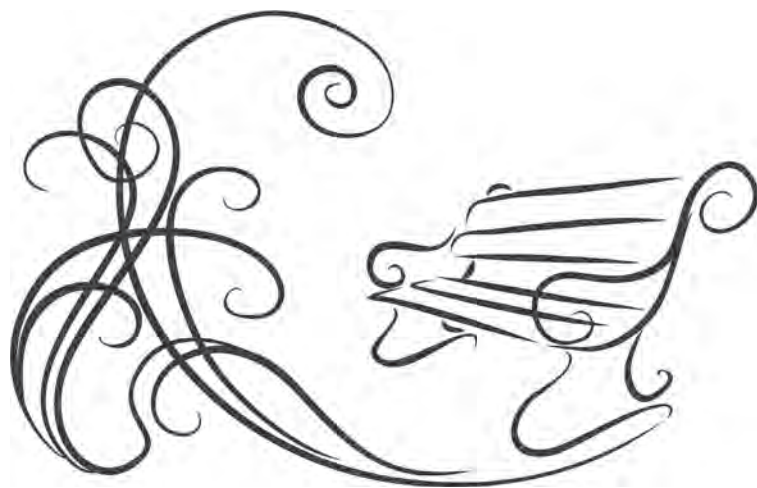
Мы прячемся в шторме,
И нету следов.
Как призрак в тумане,
Плывём в океане,
Крадёмся в обмане,
Летучий голландец – гроза моряков!

Огни Святого Эльма
На мачтах корабля.
Мы дети Океана,
Великого Творца.

По курсу каравелла
На полных парусах.
Мы поиграем с нею,
Нам будет веселее
На лицах видеть страх!

Волны катились волна за волной.
Смерть не мигая смотрела в лицо.
Ну что тебе надо, старуха седая?
Тебе не подвластны мои корабли!

Август 1996

Старый двор

В подъездах, в подворотенках
Звучат блатные песенки.
Мы встретились случайненько
На закопчённой лесенке.
На ветхом подоконнике
О жизни говорили,
О том, что было с нами,
Как мучились, любили.

О, старый дом, о, старый двор,
Колодец смотрит в небо.
А за обшарпанным столбом
Без фар стоит «Победа».
Ты знал все детские мечты,
Наш старый, мудрый дом.
Ты видел первые шаги,
Смотря со всех окон.

Давай закурим по одной,
Ведь расходиться рано.
Я сбегаю за баночкой
Под этот вечер пьяный.
Пускай звучит в пролёте
Гитары перезвон.
Напомнит нам о прошлом
Хрипатый баритон.

Окошечки на улицу
Из нашей коммуналочки
Смотрели прямо на асфальт
И были вровень с ним.
А я, прижавшись к стёклышку,
Сидел на подоконничке
И наблюдал, как во дворе
Ручьи гоняет ливень.

А помнишь старый самокат,
Один на весь наш двор,
Очередю из ребят,
Чтоб погонять на нём.
Пусть дома жёны всё простят
Пропавшим мужикам.
Сегодня вечер не для дам,
А дань былым годам.

Август 1996

* * *

Пишу свои стихи,
Но чувствую порой:
Всё это надоело.
Пора уже домой,
И в двери без замков
Я постучусь смело.

И пусть цветёт весна
И тают облака
В сиреневом тумане.
Ведь он меня простит,
И небо протрубит,
Мой одноглазый дьявол.

Мечты мне не нужны,
Они уже легли
На чистый лист бумаги.
Как птицы улетят,
С кассеты прозвучат
Забытыми словами.

Я к двери подойду,
Последний раз глотну
Сладкий запах дыма.
И, молча докурив
И тихо дверь открыв:
– Встречайте, сыны!

Кингстоны я открыл,
Корабль затопил
С прошедшими делами.
Но флаг не опустил,
Последний раз смотрел,
Как вьётся над волнами.

Костры горят в ночи,
И кто-то прокричит:
– Нажми на газ, приятель!
И мотоцикл рванёт
На Солнце, на восход,
В небесную обитель.

Да, мне один удел,
Я делал, что хотел, –
И плакал, и смеялся.
Под звон шальной струны,
Под пошлые стихи –
Пора мне возвращаться.

Туда, где ждут меня
И где стоят тома,
Сожжённые в каминах.
Где тень былых времён
И над строкой имён
Седая пыль на плитах.

Август 1996

* * *

*Написано в соавторстве с барабанщиком группы «Цезарь»
(Санкт-Петербург) Лютиным Олегом.*

На площади много народа.
Посреди – крест и хворост.
Инквизитор смотрит сурово,
И кто-то рыдает в голос.

Молитвы шепчет толстый монах
Девушке с сожжённой свечою.
Мольба в её безумных глазах.
На немых губах её стоны.

– Ведьму на костёр!
Сжечь нечистую силу!
Дело веры, во имя Христа!
Пусть костёр ей будет могилой!
Ведьму на костёр!

Палач стоит, и руки на груди,
А на кресте распятая Мадонна.
Огонь взовьётся колесницей ввысь,
Провозглашая смерть сегодня.

Монах, плевавший на людские слёзы,
Палачу дал знак – разжечь огонь.
Пусть девушка умрёт по воле бога,
И тело обретёт вечный покой.

– Ведьму на костёр!
Сжечь нечистую силу!
Дело веры, во имя Христа!
Пусть костёр ей будет могилой!
Ведьму на костёр!

* * *

Ты меня ласкаешь взглядом,
И тебе уже не надо
Говорить, слёзы лить.
Растрепал калину ветер,
В тёмном небе светит месяц
В этот час лишь для нас.

Напои меня дурманом
Своих губ, своих губ.
Залечи мои ты раны
Движеньем рук, движеньем рук.
Пусть забудется, что было,
Ты прости, ты прости.
Вспомни лишь, как мы любили
До зари, до зари.

Я пришёл к тебе на встречу
В этот летний, тёплый вечер,
Как всегда, навсегда.
Но наутро, расставаясь,
Полусонные прощались
На года. На века.

У мужчин есть недостаток – уходить.
А подругам остаётся – ждать, любить.
Дождь осенний смывает краски на холсте.
Но засохший лист калины
Пусть тебе напомнит о весне
И обо мне.
И обо мне...

* * *

Я гений, прочь сомненья!
Бросайте мне цветы.
На кладбище столетий
Пишу свои стихи.

Я с музой пил на брудершафт,
Покров одежд срывая.
Я изучал её ландшафт,
В объятиях сжимая.

Нахал я, и мне легче жить,
Как говорят в народе.
А всё же завтра брошу пить
И прославлять свободу.

Остепенюсь и подстригусь,
Куплю пиджак, ботинки.
Стихи заброшу и женюсь,
Уют в семье – детишки!

СТУХУ
И ПЕСНУ

03.12.1996-17.11.2014

Зима

Зима сводит меня с ума.
Мокрые ноги, холодные руки.
Бычок сигареты, примёрзший к губам.
Стерва зима, ты достала меня.
Стерва зима сводит меня с ума.

Беда белой кошкой скребётся в окно.
Пьяные люди обнимают кривые заборы.
Знойные женщины морозят красивые ноги.
Стерва зима и голодные волки.
Зима листает дни и годы.

Пурга, холодная водка в мутном стакане.
Холодные буквы в надоевшей рекламе.
Последняя затяжка сырой сигареты.
Стерва зима и ледышки-конфеты.
Зима, я так хочу лета!

Я не знаю, за что
Ты любил эту тварь.
Эти листья в огне,
Эту злую печаль.
Где тоска, как пиявка,
Присосалась к душе.
Где вино закипает по жилам
В хмельном кабаке.

Вечно мокрые ночи
И кашель в груди.
А ты видел лишь очи
И гусей косяки.
Это смерть. Это тленье,
Где кресты словно блажь.
Панихида, забвенье,
Купол церкви как страж.

Вале...

Ты прости эту ночь –
Избавление от боли и от греха.
Мелкой дробью льёт дождь
По листьям, кидает их на асфальт.
Ты ушла за барьер,
За которым не будет конца.
За которым лишь свет
Белой маской над тенью лица.

Этот год затянулся
На один чёрный день.
Это солнце зажглось
И ушло сразу в тень.
Грязный ворон
Закрыл город крылом.
Отголоском беды
В церкви траурный звон.

Белой тенью промелькнула
И упала листва.
Ты прошла не таясь
У слепого костра.
Светлой птицей взлетела
В непроглядную тьму.
Может быть, навстречу солнцу,
Чтобы встретить весну.

Как тяжело стоять,
Смотреть на этот бред.
Считать, что виноват,
Хотя вины в том нет.
И думать, что я мог
Спасти, продлить.
Огарочек свечи
Рукою защитить.

Коси, коса, тела
И слёзы матерей.
Ненужные слова
Не нужных им людей.
Старуха в капюшоне,
Твой час ещё пробьёт.
И камень на дороге
Твою косу согнёт.

Душу в церкви отпели,
Ну а тело земля
Приняла и согрела,
Свою дочку любя.
Ты вернулась домой
С запоздавших гостей,
Где любовь и разлука
Живут средь людей.

Светофор

Я очень крут.
Я круче всех столбов.
Стою на перекрёстке командиром.
Заплывшим глазом указываю путь
Газующим от нетерпения машинам.

Я светофор,
Начальник над столбами.
Свечусь разноцветными огнями.
В жару и в холод на посту.
Я на семи ветрах торчу.

Мой календарь,
Визг тормозов и шёпот шин.
Да свист двуногого верзилы.
Листаю годы сквозь угарный дым,
Чихая на проезжие машины.

Ты прости меня

Ты прости меня, ты прости,
Ухожу, вышел мой срок.
Тёмной ночью ступил за порог,
За которым лишь кольца дорог.

В талых лужах лишь отблески звёзд.
На окне лишь пламя свечи.
И твой шёпот: «Не уходи!» –
Поникает в омут души.

Извини меня, извини,
Что пришлось оставить одну.
Я пошёл навстречу теплу,
Чтобы встретить с рассветом весну.

Босиком я шёл по земле.
Пальцы ног порезаны в кровь.
Словно руки твои на кресте –
Кровоточит из раны любовь!

Не вини меня, не вини,
Но стихи забродили в пыли.
Мои песни забыли в тиши,
Я устал от суеты.

Мои карты ложились не в масть.
Мои тексты тревожили слух.
Посмотри, на ногах моих грязь,
Словно пропуск на Страшный суд.

Ты прости меня, ты прости.
Но иначе, увы, я не мог.
Видно, мне уготовил мой бог
Серебристую пыль злых дорог!

Россия

Сколько было битв и войн,
Сколько раз пылал огонь
Во дворцах, в палатах.
Шли по тракту с узелком,
По этапам босиком,
На восход славяне.

Сколько раз менялась власть,
Проходимцы ели всласть
Чужеродною толпой во Кремле.
А народ под рёбра пнут,
И налогами согнут,
И головушку пригнут к земле.

Сколько было войн и смут,
И на рекрутов хомут
Под звенящий в спину кнут надевали.
Заставляли убивать,
В спину матерей стрелять,
Деньги грязные свои отмывали.

А теперь пошла им масть
Землю-матушку продать,
На валюту поменять басурманам.
Поделили города,
Сёла, нивы и леса,
Ты работой да делись злат-металлом.

На дороге то ль рассвет,
То ли сумрак прошлых лет.
То ль туман закрыл глаза. Пелена.
В телевизоре аскет
Проповедует обет.
То ль смеяться, то ли нет? Бред!

Стосковалась душа,
Нынче водка – как вода,
Пей, мужик, пока тоска да беда.
Эх, Россия, мать моя,
Всё страдаешь, видно, зря,
Боли полная река – на века!

* * *

Из убогих квартир, где кухни шесть метров,
Мы вышли на свет, к звенящим проспектам.
Мы сделали шаг, кто с ножом, кто с гитарой.
А кто-то с бутылкой в дырявом кармане.

Мы слушали тех, кто прорвался на плёнки
Из подвалов сырых старой застройки.
Мы пили вино, побивали рекорды,
Учились брать свои три аккорда.

Кто-то менял значки на жвачку.
Кто-то копил деньги на тачку.
А мы пропивали стипендии хором.
Читали стихи про любовь под забором.

Мы харкали кровью после концертов,
Когда враги прижимали нас к стенке.
Травили газом, как вредных микробов.
Во имя партии, во славу народа! Свобода...

Кто-то попался на воровстве.
Кто-то по пьянке попал в ЛТП.
Кто-то писал заявление в Афган.
Кто-то опух, стал наркоман. Бедлам!

А мы сочиняли для тех, кто нас слушал.
А мы писали стихи, только бы не молчать.
Житейские будни ломали, калечили души.
И мы торопились, только б успеть дописать.

Мы не умели копить, делать деньги.
И ночь проживали ради слова из песни.
А жизнь протекала бурной рекой
Под звуки гитар на кухнях зимой.

Я болен весной

Ветер разметал куски, лоскутки зимы.
И тёплый апрель стучится к нам в дверь сильней.
Хожу как чумной, я болен весной, в запой.
Я верю, что в серые дни зажгутся костры листвы.

Мне сказали слово, словно пароль.
Я стал замечать таких же, как я, отогретых весной.
Грязный снег на ладони кладу, чтобы таял скорей.
На ветки деревьев дышу, чтобы листья распустились быстрее.

Я, я болен весной, в запой.
Хожу как чумной – наверно, больной.
Как мартовский кот, на крышах кричу, не молчу, про тебя.
И в окна стучу сквозь синеву окна.

Весна – в этом слове столько тепла и дождя.
Первый гром, первые птицы на небе, белое на голубом.
Весна. И сердце бьётся веселей и сильней.
Наверно, апрель разбудил в моём сердце капель.

Солнечный зайчик скребётся в окно давно.
Но за стеклом занавеска – салфетка,
И он не находит твоё лицо.
Ты, наверное, спишь, укрытая от взглядов со стороны страны.
А я по талым лужам брожу и всё жду и грущу.

Весенний ручей намочил дороги и ноги.
Ветер гнёт голые ветки к земле и беде.
Да только что мне, ведь я озорной и больной.
Хожу как чумной, я болен весной, в запой!

* * *

Там волны плещутся, там море бесится
И ножки стройные волнуют кровь.
Там музыка звучит, поют лихой мотив
Забытой старой песни озорной.

В аллеях хорошо, прохладно и свежо.
Уютные скамеечки стоят.
А мы с тобой вдвоём гуляем и поём.
Мороженое на палочках едим.

В фужерах там вино, по вечерам – кино,
И танцы до упаду до утра.
И пусть лишь это сон, но мы с тобой рванём
На первый поезд, на юга.

И будет снова сон, что мы с тобой вдвоём
Под пальмами в тиши сидим.
И ты, смотря в глаза, промолвишь тихо: «Да,
С тобою я, любимый, навсегда!»

Монолог пьяницы

Тело качает то вправо, то влево.
Ноги идут, куда смотрит тело.
То вправо, то влево.
То вправо, то влево.

Между луж пробиваюсь, громко икая.
Слалом чудной на суд выставляю.
То вправо, то влево.
То вправо, то влево.

Финиш далёко, это забор.
По нему будет легче добраться домой.
То вправо, то влево.
То вправо, то влево.

Ноги плетутся, в глазах пелена.
Пара падений не в счёт, ерунда.
То вправо, то влево.
То вправо, то влево.

Вот и забор, а там и крыльцо.
Ох, брошу пить... Но нелегко.
То вправо, то влево.
То вправо, то влево.

Жена промолчала, а завтра скандал.
Зачем же я столько себе наливал?
То вправо, то влево.
То вправо, то влево.

* * *

За окошком снег кружится.
За окном белым-бело.
У окна сидит сестрица,
Шелестит веретено.

Не печалься, моя радость,
Воротится он с войны.
Долог путь, длинна дорога
По позёмке до весны.

Но когда на ветки клёна
Зелень листьев упадёт,
Как бы ни трудна дорога,
Он опять в твой дом войдёт.

Снова майскими ночами
И в июльскую жару
С зацелованными очами
Будешь ты сидеть в саду.

Будешь нежиться на сене
Ты с любимым до утра.
И под ласками, со сказками,
Слушать трели соловья.

Пусть оттаёт твоё тело,
Отогреется душа.
Так всегда: за холодами
Настаёт опять весна.

Монолог шута

Проведи рукой мне по лицу.
Отгони тревоги и боль.
В этом мире, где правит король,
Шут должен играть свою роль.

Смешной колпак на голове.
Звени, бубенчик мой, звени
Под шёпот наветов и лжи,
Под тяжестью царской руки.

Сегодня будет бал, а завтра на войну,
Ещё не побиты вольты!
И рыцарей ждут – мечи и щиты,
Сегодня же бал до зари!

По королевским покоем шагать
Или по осенней грязи –
Мне всё одно, мои башмаки
Всегда в королевской тени.

Шагаю на ощупь по тонкому льду.
По лезвию стального клинка.
Советы в шутках королю я даю,
Чуть ошибся – и плаха твоя.

Сквозь придворную лесть и улыбок фальшь
Я иду в полутьме.
И очень рад, когда шутка моя
Разоблачит подлеца.

Очень трудно бывает порой.
Мои дороги в пыли.
Но пока на свете есть короли,
Рядом будут шуты.

* * *

Давайте, друзья, помолчим хоть минуту.
Давайте нальём по бокалам вина.
За тех, кто вышел на своей остановке.
За тех, кто ушёл от нас навсегда.

За тех, кто продал за музыку душу.
За тех, кто песней грел наши сердца.
Кто шёл до конца, срываясь на взлёте.
Пусть будет пухом ребятам земля.

И нечего их винить и судачить:
«Кто в водке погряз, кого тянет игла...
Сколько подруг у тебя, а, приятель?» –
Это их жизнь, а не твоя!

Их песни, их гимны – как выстрел со сцены.
От него не уйти, он жалит, верняк.
Газеты судачат, порядок лютует.
И срочные меры принимают в верхах.

А мы их играли, их песни учили
На стареньких кухнях под ругань соседей.
Для нас – как окно в большой мир из дурдома
Сквозь своды законов и стены заводов.

Давайте, друзья, помолчим хоть минуту.
Давайте нальём по бокалам вина.
За тех, кто вышел на своей остановке.
За тех, кто ушёл от нас навсегда.

* * *

Над камином мотыльки
Закружились в вальсе.
В этот раз, в этот час,
Вспомнились ненастья.

Ветер гнул, ветер дул
И в лицо, и в спину.
Не сломал, не согнул
Он мою калину.

Ты вошла в этот дом,
Всё кружится в вальсе.
В этот раз, в этот час,
Я хмельной от страсти.

Подойду, обниму,
Зацелую пьяно.
Я с тобой, ты со мной,
Что нам ещё надо?

То ли пьяный, то ль больной,
Всё кружится в вальсе.
В этот раз, в этот час,
Только миг до счастья.

Ты моя навсегда,
Верю в это свято.
Мы вдвоём разобьём
Наш бокал на счастье!

* * *

Я запутал следы,
И меня не найти
В этих каменных джунглях.
Проходные дворы
Лишь запомнят шаги
Уходящего к югу.

В подворотнях коты,
Дети шалой весны,
Провожают глазами.
А неоновый свет
Шепчет: «Скоро рассвет
Взойдёт над домами».

Я запутал следы,
И меня не найти
Ни врагу и ни другу.
Я кружу меж домов,
Вокруг луж и ларьков.
Я идущий по кругу!

В сетях ложных идей
И безумных страстей
Я мечуся – бессонный.
От погони ушёл,
Но себя не нашёл
В этом мире огромном.

* * *

Вы мне приснились. Вы мне приснились.
В платьице лёгком, прозрачном из шёлка,
Вы появились. Вы появились.

Ваш взгляд, лукавый, озорной,
Заставил трепетать сознание.
Улыбка казалась неземной,
Зажгла во мне каскад желаний.

Вы подошли, а я замялся.
Вы подмигнули, я молчал.
И лишь осенний шальный ветер
Виденье лёгкое качал.

Но я себя смог пересилить.
Речь полилась полноводною рекой.
Вы мне казались такой далёкой,
Но в то же время близкой и родной.

Что говорил, уже не помню.
Лишь помню, что глазами Вас ласкал.
Но Вы исчезли, но ещё долго
Ваш смех вокруг меня звучал.

Вы мне приснились. Вы мне приснились.
В платьице лёгком, прозрачном из шёлка,
Вы появились. Вы появились.

* * *

Снова настала весна, и песню поёт вода,
Журча по острым камням, для тебя и меня.
Снова настал рассвет за чередой чёрных лет.
Снова отступит мгла на века!

Жизнь и смерть,
Тьма и свет.
За ночью придёт рассвет,
Как радуга за дождём.

Сколько мы шли по грязи, нащупывая следы
Тех, кто шёл впереди, не боясь темноты.
Кто-то упал в овраг, сделав неверный шаг.
Кто-то попал впросак, наткнувшись на стену лбом.

Где-то ползли ползком. Где-то шагали пешком.
А на свету – рывком, на ощупь брели на восток.
Ветер мешал идти. Дождь смывал следы.
Но, по колено в грязи, мы всё же шли.

С запада на восток
По бездорожью дорог.
По вспаханной целине
Мы всё же дошли в темноте
К Весне!

* * *

Ты хотел быть богом,
Играть людскими судьбами.
Но шанс твой мал, а ветер крепчал,
Он дни считал, и ты остался ни с чем.

Хоть сделан по подобию,
Но ты всего лишь копия.
И час настал, и ты упал,
Хоть круто вверх бежал.
Твой идеал померк.

Кто право дал тебе
Решать, кто виноват?
На войне как на войне,
И ты на ней – солдат.

Ты хотел быть пророком,
Говорить, что и как.
Ты думал – верняк,
Но дело табак. И дар твой иссяк,
А был ли он у тебя?

Как тяжело быть позади
Тому, кто привык быть первым.
Но жребий пал, и час настал,
Тебя покорила металл.
Ты продался этой системе.

От тебя отвернулись
Друзья и подруги.
Ты стал словно ветер,
Фальшивый, как флюгер.

* * *

Когда в глазах твоих ночь,
Когда на ладонях рассвет,
Когда ветер унёс прочь
Дым наших с тобой сигарет,

Когда выпито вино
И бутылка пуста,
Когда окончился дождь
В проёме окна,
Я всё же не ушёл от тебя.

На подушке локон непослушных волос.
Я хочу встретить утро через пять минут.
Я хочу увидеть солнце в твоих глазах.
Это же так просто – остаться здесь навсегда.

Я зашёл на минуту
Переждать этот дождь.
Но минуты текли,
А дождь всё-таки дождь.

Ты достала вино,
Я достал сигареты.
Мы смотрели в окно,
Вспоминая о лете.
Ты знаешь,
Я рад нашей встрече.

На подушке локон непослушных волос.
Я хочу встретить утро через пять минут.
Я хочу увидеть солнце в твоих глазах.
Это же так просто – остаться здесь навсегда.

* * *

Когда отгремит последний выстрел
И друг разобьёт о камень свой автомат,
Когда с юга прилетят птицы
И в вечернем небе заалееет закат,

Я сяду на траву возле старой берёзы,
Прислонившись спиною к стволу.
Достану из кармана свои папиросы,
Чиркну спичкой и закурю.

Мой друг упадёт рядом со мною,
Раскинет руки в душистой траве.
Он будет смотреть, как загораются звёзды
В этой немой тишине.

Кто-то выйдет из тьмы, из-за клёна,
Попросит прикурить дрожащей рукой.
В старом бушлате с чужими погонями,
Он тоже солдат, покалечен войной.

А потом будет грязь и дорога,
Тень посёлков, стена городов.
Большие глаза незнакомых девчонок.
И долгий путь – дорога домой.

Улыбок нет на запыхлённых лицах.
Смех ещё долго не будет звучать.
Пока отогреет душу и сердце,
Вернувшись с войны, уставший солдат.

* * *

Этот город будет наш.
Он будет взят на абордаж.
На раж. На раж.

Сегодня будем пить вино,
А ночью будет всё равно,
Доживём ли до утра.
А если нет, то не беда.
Беда. Тоска.

Колонны, стелы, каменные львы
Запомнят отблеск зажигалок.
А пиво из пузатых банок
Омоет пеной серые мосты.
Дворцы. Мосты.

По закоулкам площадей,
По мостовым минувших дней
Весёлой, шумною толпой
Поднимем флаг свой над рекой.
Невой. Рекой.

Тёмно-синее небо
Нависло над городом снов.
По гранитным ступеням
Мы делаем шаг вперёд.

По лабиринтам переулков,
Вдоль старых парков и церквей
Качающейся, пьяной походкой
Шагал вместе с нами
Один из Великих Царей.
– Эгей! – Эгей!

Этот город будет наш.
Он будет взят на абордаж.
На раж. На раж.

Капля крови на древнем кресте,
Михайловский замок в тумане,
Где тень прошлого бродит во тьме,
Мы протянем ему пиво в стакане.

И пускай моросит этот дождь,
И пускай мы промокли до нитки,
Нас дома укроют плащом
Подворотен, не скрывая улыбки.

Что с того – «Крузенштерн» на приколе
И век флибустьеров прошёл.
Нас поманит чёрный парус над морем,
Белой чайки летящей крыло.

Тёмно-синее небо
Нависло над городом снов.
По гранитным ступеням
Мы делаем шаг вперёд.

По лабиринтам переулков,
Вдоль старых парков и церквей
Качающейся, пьяной походкой
Шагал вместе с нами
Один из Великих Царей.
– Эгей! – Эгей!

Этот город будет наш.
Он будет взят на абордаж.
На раж. На раж.

* * *

Он ушёл в ночь, взяв гитару и бутылку вина.
Он ушёл прочь от закрытой двери, из раскрытого окна.
Он проклял этот город, плюнув на бетонный забор.
Он презирал этот грохот и дымящийся в небо завод.

Дети новых районов прячутся по подвалам и чердакам.
И на кухнях слушают старый рок, но только дай срок,
И из миллионов выйдет один. Мы поверим ему,
Потому что в руках его гитара, а не карабин.

А он шёл и не думал, что он новый герой.
Он пел, он не мог иначе, невозможно быть всем за стеной.
Он пел, потому что другим не дано.
Он пел, потому что было страшно и очень темно.

За заборами стен лишь кусочек серого неба.
Лишь кусочек красного солнца из колодцев домов.
Лоскутки цветных снов, сшила жизнь сказку о главном,
Сшила жизнь притчу о главном,
без чего нам не достать до звёзд.

Струна дребезжит по колкам. За аккордом новый аккорд.
За слогом новый слог. За прологом – эпилог.
Песня за песней – рекой. Завтра концерт – снова бой.
И он поднимал гитару, чтоб подарить вам Нирвану!

* * *

В твоих волосах нет любви.
В твоих снах только сын.
В твоих глазах – разлука и боль,
Горечь потерь и дорога домой
Вдоль по прямой.

Ветер сдувает последний хмель.
У тебя есть сын, у меня есть сын.
Ты говоришь: «Мне жалко детей!»
Ты поедешь домой – не со мной,
Вдоль по прямой.

Я затерялся среди домов.
Переходил дороги, но попадал не туда.
Сигаретой снимал нервную дрожь.
О небо! На кого я стал похож?
Ангел без крыльев, чёрт без рогов
В этом мире зла и добра.

Я целовал твоё юное тело.
Ты трепетала под покровом шелков.
Я заплутал в твоих волосах.
Шепча слова, забывая значенье,
Мне ли не знать желанье, мученье.
Трепетный миг до финала, конца.
После первого акта, громового звонка.

Это всё в прошлом, вечный антракт.
Мне ли не знать тех, кто попадал впросак
Из-за глаз, из-за нежных губ.
Грыз гранит и был ко всему слеп и глух,
По-своему глуп, напиваясь в дым,
Сгорая как пух...

* * *

Из дома на работу, с работы домой.
Я словно привязан к этой прямой.
Я словно связан этой тропой.
Мне опостылела эта дорога.

Иду по грязи на остановку.
Троллейбуса жду под холодным дождём.
Холодный ветер продувает куртку.
В простуженном горле застыл кашля ком.

Свет зажигалки – как отблеск костра.
Вместе с дымом втяну прохладную сырость.
Где-то сверху светит больная луна,
А здесь только лужи спасают от сна.
Мне опостылела эта дорога.

Я еду в троллейбусе, набитом битком.
По моим ногам бродят странные люди.
Меня бьют локтями сердобольные тётки.
Дышу перегаром, озираясь кругом,
И контролёры – настроение портят.

Здесь летом душно, нечем дышать.
Зимой зуб на зуб не попадает.
В замёрзшие окна ничего не видать,
Свою остановку бы угадать.
А календарь дни на годы меняет.

В метро, в теплоту, словно в рай, окунусь
И отогреюсь душою и телом.
Иду лабиринтом колонн по прямой.
Подземный город окружает стеной –
Рекламных плакатов с вином и едой,
Адвокатских контор с их бахромой,
Различных услуг, от рождения до смерти.

Сажусь, потому что еду с кольца.
Читаю книгу или закрываю глаза.
Но кто-то стоит, сопит и бормочет,
Просит: «Уступи бабуле, сыночек...»
Куда же вы едете в шесть утра,
Когда на работу едет страна?

В переходах протянуты руки и шапки.
А дальше надтреснутый голос поёт:
«Поверь в себя – и тебе повезёт...»
Да только не всё в этом мире так гладко –
Для кого медяки, а для многих буханка.
А я пробиваюсь наверх по лестнице шаткой.

Я вылез на свет мимо книжных ларьков.
И снова брести, идти до работы.
И снова лишь лужи и грязь на дороге.
И дождь, трижды проклятый дождь.

* * *

Уходят лица, уходят,
Растворяясь в сером тумане.
Не прощаясь, что в этом толку.
Лишь улыбку оставив на память.

Случайные встречи, мимоходом брошенный взгляд.
Впалые глаза, которые тебя видят насквозь.
А годы уходят всерьёз,
И не тебе замедлить их шаг.
И лишь ветер с Невы бьётся в окно,
А ночью слышен лай бездомных собак.

Петербургские трущобы, проходные дворы.
Длинные коммуналки, высокие потолки.
Потёртые ступени лестниц,
Пережившие восемнадцатый век,
Помнят шаги ушедших во тьму лет.

Старые кухни, поломанные мечты,
Разбитая жизнь, чёрно-белые сны.
Старая интеллигентка с рюмкой водки в руке
Читала молодым ребятам Симонова стихи.

Город берёг и хранил в меру сил
Усталые лица распятых, святых.
Хаос революции, репрессии тридцатых,
Холодные зимы, блокадных солдат.

Хрущёвская оттепель, маленький оклад.
Впалые глаза, бумага и карандаш.
Маленькие пенсии, а так хочется жить
В этом городе Ростральных колонн,
Мостов и площадей!

* * *

Я войду в этот город с мечом.
Я тот, кого называют – дуновение ветра.
Сегодня я здесь, а завтра там, за хребтом,
Буду пить эль в обществе эльфов.

Я по земле не иду – плыву.
Безликий воин безликих побед.
Травы шепчут, камни поют,
Провожая глазами хранителя лет.

В горных горнах родился мой меч – дарящий свет.
Лук эльфов с тугой тетивой – готовый в бой.
Мне ли не знать, как каждой весной – отступает зло,
Как после долгой ночи наступает рассвет.
И так сотни лет.

Легенды народов, история империй,
Зло и добро на чаше весов.
Посередине воин вселенной,
Недремлющий страж небесных ворот.

Тысячи лет зажигалось солнце.
Тысячи лет тушила свет ночь.
Я по земле бреду осторожно,
Чтобы звезда загорелась вновь.

Шотландские волынки и барабаны – музыка моего сна.
Стрелы молний, капли дождя – боль моего дня.
Быстрые реки, лесные озёра – мои зеркала.
Синее небо, холодная сталь клинка – моя душа.

Но стал замечать, что скоро от непрошенных ртов
Превращусь в конце дороги
в чёрствый, чёрный сухарь.

Любимая, да, я был неправ.
Но правы ли те, кто портит нам нервы?
Они говорят, что любят детей.
Но почему-то их не любят дети.

Я срывался в штопор
и оттягивался от головной боли.
Но это мне стоило слишком дорого.
Но целый век сидеть за дверью,
Когда открыто окно на волю,
Это более, чем более...

Любимая, я люблю и буду любить.
Если нет любви – разве стоит жить?
И я буду писать свои бредовые стихи.
Если нет стихов – значит, нет меня!

* * *

Всё случится словно в сказке –
На балу, в вечернем платье,
Ты стоишь, смотря на маски,
Ждёшь, робея, своё счастье.

Без плаща и без короны
Подойдёт – ты улыбнёшься.
Презрев светские законы,
Ты от радости смеёшься.

Подойдёт – и ты отгаешь,
Своего узнаешь принца.
Сбудется, о чём мечтаешь.
Унесёт вас вдаль жар-птица.

А художник, взявши краски,
Нарисует вас с цветами.
На холсте – в гостях у сказки,
Вместе с детскими мечтами.

Январь 2009

* * *

Весенние ручьи разогнали зимнюю грусть.
И я уже не боюсь белого снега.
Звонящий простор не тревожит покой мой и сон,
Когда я бежал, задыхаясь от быстрого бега.

Сквозь наркотический бред и пьяный угар
Пробиваюсь на свет вдоль тусклых зеркал,
Где в каждом стекле отраженья мои.
Кривозеркалье – моя явь или сны?

Мой разум восстал против прихоти плоти.
Я в наслажденьях себя убивал.
Теперь же шепчу: «Я против! Я против!»
Мне бы осилить свой ледяной перевал! –

Пробиваясь на свет из мира иллюзий.
Реальность страшна, но страшней – пустота.
В детской улыбке черпая силы, чтобы проснуться,
Чтобы вернуться, очнуться от страшного сна.

* * *

Я сбежал, да, я сбежал.
Может, кто-то не догнал.
Может, кто-то посчитал,
Что я большой чудака.
Ну а мне-то всё равно,
Пусть кружится воронья.
Смоет дождь следы легко,
Обманул я злых собак.

Заплутал, то ли запутал.
Убежал, да вот увлекся –
На болоте между кочек
Потерял дорогу к солнцу.
Между сосен и листочков
Закружился, заметался.
На гнилые пни нарвался,
Натыкался, спотыкался.

Я сбежал, да, я сбежал.
Добежал, да не туда.
Опьянила трин-трава
И меня, и меня.
Справа, слева – всё леса.
Нету следа и следа.
Только радость да тоска,
Что сбежал, да не туда.

Пусть кружится воронья
И в лесу уже темно.
Чёрно-белое кино,
Мне другого не дано.
И теперь мне всё равно –
Я гулял и догулялся.
От погони оторвался,
Чтобы здесь лечь на дно.

Фотоальбом

Не тревожь мои старые раны.
Дай хоть час мне побыть одному.
Я альбом в кресле листаю,
Фотографии нежно смотрю.

Лица, счастливые лица,
И улыбок мелькнёт череда.
Вот одно он не знал: что на ножик
Налетит своего же дружка.

Разметалась в диком угаре
Его пьяная гордость и злость.
Недопитая водка в стакане,
На рубашке красная кровь.

Лица, счастливые лица,
И улыбок мелькнёт череда.
Для кого-то это просто страницы,
Для меня – чья-то жизнь и тоска.

Вот другой, подорвался на mine,
И пробили со скорбью часы.
Давним эхом в душе отзовется
Боль и горечь минувшей войны.

Вот улыбка забытого детства,
Смех и радость в глазах малыша –
Потихоньку к нам в сердце крадётся
И приходит, увы, только в снах.

Не тревожь мои старые раны.
Дай хоть час мне побыть одному.
Я альбом в кресле листаю,
Фотографии нежно смотрю.

* * *

Спиваться – это ли удел
Для тех, кто воспарить хотел.
Расправить крылья и взлететь –
Но остаётся лишь скорбеть.
Но то ли дрогнула рука,
То ль заболела голова
От бреда, что вокруг тебя.
Забыться бы, залить глаза.

Штурмует горы человек,
И на луну летит стервец.
Да только в том-то и беда,
Что не для всех и не всегда –
По лестнице карабкаться наверх,
Скользить, скользя, не прекращая бег.
А кто остался позади? Враги? Друзья?
Всегда ли вспомнишь имена?

Быть сильным – дорогой удел.
Всеобщее внимание людей.
Но оступился и пропал –
Ты не осилил перевал.
А у людей как у людей:
Полно проблем, полно идей.
Работа, цены, дом, семья,
В трамвае давка, нервная жена.

Задержка пенсии, зарплат,
Стремилась в рай, попали в ад.
Вот и дрогнула рука,
А в собутыльниках – тоска.
Сначала рюмка, потом две.
Стакан, бутылка, нет проблем.
Листая годы, ломая мечты...
Ведь заклевали, дураки...

* * *

Шум прибоя, запах моря,
Что ещё мальчишке надо?
Чтобы лодка-плоскодонка
Танцевала на волнах.
Чтобы сосны вверх смотрели
И тянулись прямо к солнцу.
Чтоб костёр трещал, искрился.
И картошка пропеклась бы на углях.

Что ещё для счастья
Мальчугану надо?
Синюю полоску неба
Над вихрастой головою.
Чтобы в домике у моря
Из окна смотрела мама.
Непослушного сынишку,
Улыбаясь бы, встречала.

Чтобы друг в беде не бросил.
Поскользнулся – плечо рядом.
С ним и в радости, и в горе
И спокойней, и надёжней.
Чтоб девчонка из посёлка
Не обидела бы взглядом.
Чтобы верила, мечтала,
И любила, и прощала.

Волны плещутся играя,
Чайки словно бригантины.
А мальчишка сел на камень,
Смотрит синими глазами,
Как маяк мигает глазом
Кораблям и капитанам,

Как кораблик из дощечки
Уплывает вдаль за камни,
Подгоняемый ветрами,
Вместе с детскими мечтами.

Глиммингенский замок

Уснул под тяжестью веков.
Ни смех детей, ни звон мечей
Не сбросит тишины покров.
И скрип телег, и шум шагов
Под сводом не отзовется эхом.

Ни песнь стрелы, летящей через ров,
Ни лязг цепей, ни мёд речей,
Ни битвы шум, ни стук щитов,
Ни звука в мрачном царстве снов –
Уснувший замок брошен человеком.

Глиммингенский замок спит.
И древних стен – камней гранит,
Умытый солнцем и дождём,
Забылся непробудным сном.

За годом год течёт река.
И вот однажды крыс орда
К уступам замка подошла
На запах старого зерна.

Живой дорогой из темноты
Дети подвалов, нор, чумы,
Они всё шли, и шли, и шли
По талым лужам, по грязи,
Куда вели их – их носы.
И час пробил, и замок пал
На радость ненасытной своре.

По коридорам, этажам,
По пыльным залам и мостам
Катился ком, смеясь, визжа,
Стремилась крысы в закрома,
Скорей добраться до зерна.

Но не успели голод утолить,
Простой, бесхитростный мотив
От чердака и до подвала,
По коридорам и по залам
Звучал по замку со двора.
И крысы кинулись туда.

Он звал, манил, приказывал, просил.
За нотой нота вылетала,
В ушах отродья серого звучала,
Бесила и лишала сил.

А во дворе на мостовой
Мальчишка с дудочкой волшебной
Всех крыс с подвалов вызывал.
Дрожал, боялся, но всё-таки играл.

Играй, мальчуган, играй!
Ты один против толпы.
И тысячи крыс покорно пошли,
Таща за собой хвосты.

Играй, дудочка, пой!
Сегодня последний бой.
Не оступись, не упади.
Замок от плена освободи.

Под тёмным небом, между скал,
Мотив волшебной дудочки звучал.
За шагом шаг, пройдя ворота,
Нильс по дороге зашагал.
И за собою вёл отродье,
Своей игрой за собою звал.

На берег озера лесного
Привёл он серую орду.
И пот холодный предательски струился
У мальчугана по лицу.

Нильс прыгнул на спину гусыне,
И та тихонько поплыла.
Крысы заметались, закружились,
Но дудочка сильней звала.

И в воду за рядом ряд, за тенью тень
Пошли на звуки музыки волшебной.
А мальчуган играл, пока последнюю из крыс
Не скрыло озеро волной забвенья.

Евгению Плющенко

Вальсируя на грани паденья.
Скользя по тонкому льду-листу...
Публика шепчет: «Везенье!»
А я говорю: «Мастерство!»

Танцуй, скоморох, пляши!
Под аплодисменты толпы.
Над стадионом зажглися огни,
И на флагштоке – флаг твоей страны.

Пусть гимны звучат, а с трибуны свистят,
Но хочется верить мне –
Когда упадёшь на синем листе,
Никто не улыбнётся беде.

Лишь горестный вздох откроет уста,
Когда ты на льду распластан.
Аплодисменты поднимут тебя,
Хоть трудно и больно порой подыматься.

Жанна Д'Арк

Звук трубы и лязг мечей,
Треск костров средневековья,
Жалкий лепет королей,
Стяги Франции на копьях –
Это в прошлом. Это в прошлом.

Ты воспарила, ты смогла,
Над хаосом безликих воинов.
Ты за собою повела,
Позор страны смывая кровью –
Во имя бога. Во имя бога.

Дитя фатальных дев, дубрав,
В доспехах, белых, как снега,
Не ведая перед собой преград –
И лишь предательства боялась как огня.

Архангел Михаил, копьём убив дракона,
Рассказывал тебе о бедствиях страны.
Святая Катерина звала уйти из дома.
Святая Маргарита
просила взять в руки меч войны.

Столетняя война за власть и за корону.
Великая страна под гнётом англичан.
Предательство и кровь – дорога к трону.
И отступить привык наёмник-ветеран.

Народ – он верил, он ведь ждал,
Что сбудутся легенды и сказанья –
Пастушка выйдет со двора,
И выйдут к ней стрелки на покаянье.

Ты воспарила, ты смогла,
Под небеса взлетевши птицей.

И реял плащ, как два крыла,
Когда неслась ты на врага.

Ты победила, ты смогла,
И, душу укрепивши верой,
Осаду с Орлеана ты сняла,
Став для народа Орлеанской девой.

Ты победила неверие и ложь,
Небесному царю служа.
На белых лилиях алела кровь,
И лилась кровь от твоего меча.

О, сколько планов в голове –
Крестовые походы к сарацинам
Или покой, дворянство в тишине,
Но враг готовил яд измены.

Да неужели суждено страдать,
Взваливши бременем грехи
На плечи хрупкие свои,
Проклятье королевы Изабеллы?

За битвой битва протекала.
И рана в шею заживала.
Но вот пора печальная настала,
Отход отряда прикрывала,
К бургундцам Жанна угодила в плен.

Её продали англичанам.
Её предали, как Иуда
Продав учителя – Христа!
Святую душу – унижали.
Святую веру – оболгали,
Не ведая в деяниях стыда.

В железной клетке, словно зверя,
В Руан её как ведьму привезли.
Собрали суд, словам её не веря,
Чтоб на костёр девчонку отвести.

Пять месяцев мучений и страданий.
Пять месяцев – неверия и лжи.
Костёр разложен погребальный,
Чтоб сжечь на нём грехи страны.

О, канувшее в мрак средневековье.
Ересь церкви, трусость короля.
Охота, царские застолья –
А на костёр ведут тебя,
Всеобщую любимицу народа!

Шептали губы: «Ах, Руан, Руан...»
А руки крест к груди прижали.
Огонь обгладывал поленья,
Неутомимо к телу пробиваясь.
В толпе и слёзы и смятенье.
Последний вздох, последний стон.
Последнее слово: «Иисус!»

Твоё юное тело превратилось в пепел.
Его бросили в Сену и волны с собой унесли.
Но Богу угодно, чтоб сердце твоё не сгорело.
Чтоб память жила о тебе
Для потомков великой страны.

Народ расходился, говоря меж собою,
Что в пламени ясно горело имя «Иисус».
Шепча: «Мы погибли,
Мы сожгли святую...»
Ей было всего девятнадцать,
Ей было всего девятнадцать...

* * *

Я ещё на плаву,
Но скоро, увы, обессилю.
Я на грани черты
Между жизнью и смертью.
Я на грани, на грани,
И мне всё отольётся –
Слёзы тех, кого при жизни
Я невольно обидел.

Я распластан, как пластырь,
На левом боку.
То землю грызу,
То в небо плюю.
Где же мой пластырь,
Ему я скажу,
Кого я люблю,
А кого не терплю.

Может, просто устал
И взял свой тайм-аут.
А что будет, то будет,
Не мне рассказывать сказки.
Может, просто упал,
А подняться, идти нету силы.
Может, кто-то забудет
Мой голос, стихи, мои ласки.

* * *

Где-то там, на шестом этаже,
На окошке висит покрывало.
Как котёнок, лежишь на тахте –
Моя девочка под одеялом.

Мне б хотелось, чтоб приснился тебе
Киногерой, которого любишь.
Ну а я? Да что мне!
Позови – прибегу я по лужам.

Целовать твоё гибкое тело
Буду я в эту ночь до утра,
Опускаясь ниже и ниже,
Языком нежно скользя.

На столе играет приёмник.
Ты раскрылась, ты вся моя.
А сегодня среда или вторник?
Опять завтра или снова вчера?

Я запутался, я заплутал
В общежитиях, не выходящих из моды.
От себя самого я сбежал
К котёнку по имени Оля.

Фантазировать, мечтать так легко!
Посиди у меня на коленях –
Нежных губ аромат, как вино,
Пьянит, возбуждает и греет.

* * *

Ты ехала в автобусе с работы домой,
А я просто в нём спал.
Я не знал, что буду с тобой,
Я просто думал: куда я попал?

Когда мы вышли на остановке,
Я смог подойти к тебе.
В брючках и кожаной куртке
Ты просто шла по весне.

Я спросил: как я здесь очутился?
Я спросил: где я нахожусь?
Ты смеялась в ответ, и я веселился,
Болтая о чём-то, не считая минут.

Сотни домов окружали нас,
Но твои глаза были мне маяком.
Какое нам дело, какой там час
И что уже ночь кругом.

Мы наскребли мелочь на пиво,
И нам было хорошо вдвоём.
А я всё путал твоё имя
И нёс ахинею, в репертуаре своём.

Мы целовались возле дома,
Словно нам снова шестнадцать лет.
Ты убежала к сестрёнке и дочке,
А я побрёл домой, на рассвет.

* * *

Мне б заплутать в твоих волосах.
Мне б утонуть в бездонных глазах.
Пусть ненадолго, хоть на мгновенье,
Познать твоих ласк опьянение.

Мечтать, надеяться, и вновь мечтать,
И по ночам стихи писать.
И по-мальчишески глупеть,
Ловить твои взгляды и краснеть.

Уходишь вновь, а я вослед
Смотрю на уходящий силуэт.
Но песни те и танцы те
Я сохраню в своей душе.

Развеял ветер сигаретный дым,
Бутылки опрокинув из-под пива.
Сегодня ты целуешься с другим,
А я в опале, без любимой.

* * *

Белые простыни постелет зима
В ложе влюблённых.
Очнусь ли я утром от сладкого сна
Или останусь холодным?

Закружила метель, завела,
Засыпав снегом тропинки.
Возле сосен меня обняла,
На ресницах целуя льдинки.

Опускаясь всё ниже и ниже,
Утопая в снегу по колено,
Мы упали, и ветер чуть слышно
Пел песни нам до рассвета.

Снежинки ласкали тёплое тело.
Звёзды твоими глазами смотрели в глаза.
После долгой дороги душа отдыхала и пела,
Отдаваясь тебе, может быть, навсегда.

* * *

Я нарисую тебя на холсте –
Белом и чистом, как снег.
Радугой красок, песнею слов,
Где в каждой строчке – любовь.
Я нарисую тебя на окне,
Пальцем по стеклу ведя.
На улице дождь, и кажется мне:
По щеке скатилась слеза.

В пьяном бреду, по кабакам,
Я твои взгляды ищу.
Но остаётся лишь белая ночь.
Ночь в сигаретном дыму.
Кто я такой и кого я ищу?
Но, по проходим скользя,
Походку твою, голубые глаза
Узнаю, увижу. Но, увы, ты так далека.

Кто ты? Виденье из сказочных снов,
Где реальность смешалась с мечтой?
Или любовь весенней порой
В сердце стучится и просит: открой!
Фантазиям нет границы, числа.
И лишь телефонный звонок
Меня отвлекает от этого сна.
Но страшней и больней – пустота...

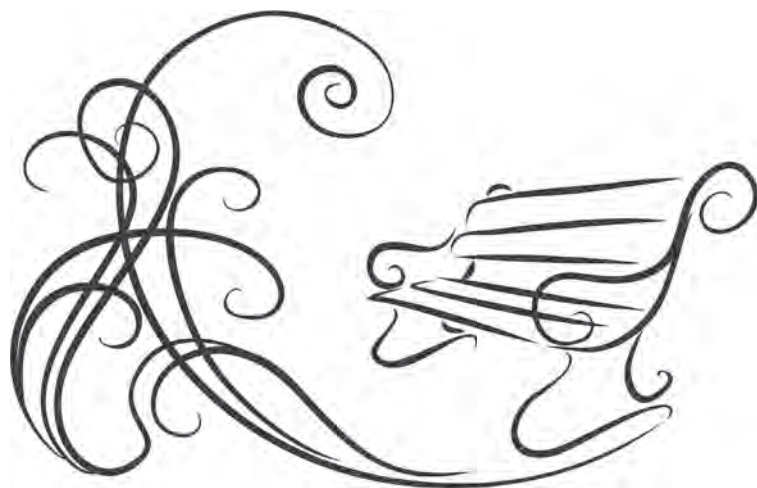
* * *

Разметал проказник ветер листья с тополей.
И стучит в окошко дождик, ты ему не верь.
Не согреют твоё тело капельки дождя.
Он ушёл, он не вернётся больше никогда.

Загорелась и погасла в золоте листва.
На лице, как капли горя, слёзы сентября.
Бабье лето, бабье лето, но не для тебя.
По ночам не спишь, ты слышишь кашель малыша.

Женские романы стопкой, потёртый боевик.
На столе уюта символ – старенький ночник.
Не уснёшь сегодня ночью, знаю, до утра.
А в глазах застывшей болью серая тоска.

Синей птицей пролетела в твоей жизни весна.
Ты смеялась и пела, а теперь лишь шум дождя.
Ты стоишь и нервно куришь у слепого окна.
Он ушёл, он не вернётся, он забыл тебя.

* * *

Давайте плюнем на дела,
Возьмём с собой гитару и тушёнку.
Возьмём с собой палатку-распашонку,
Чтоб посидеть спокойно у костра.

Рванём туда, где сосны смотрят вверх.
Где рыба плещется в затонах.
Печёная картошка на ладонях
Да пачка сигарет одна на всех.

И пусть костёр трещит и пенится уха,
Нам непогода – не помеха.
Звенит в гитаре первая струна,
И хриплый баритон поёт про лето.

А если дождь ночной порой
Нагонит на палатку скуку,
То фляга с огненной водой
Из рюкзака пойдёт по кругу.

Давайте плюнем на дела,
Да только вот работа, да семья...

* * *

Что я делаю здесь? Сижу на диване,
Смотрю телевизор в зелёной пижаме.
Пью чай, мою посуду,
А за окном гуляет простуда.

А за окном лужи да слякоть.
От сериалов скоро буду я плакать.
От рекламы болит голова,
Но я досмотрю этот фильм до конца –

«Хрупкая девушка бьёт мужика.
Он сто кило весом, но взлетает нога –
Две стены сломано, и, пустившись в полёт,
Мужик улетает за горизонт!»

Вот это сюжет, а на улице мерзко.
В автобусе давка, там нет больше места.
А на диване тепло и уютно,
И с кухни пахнет аппетитно и вкусно.

Сынишка рисует самолёт, облака.
В ванной стирает что-то жена.
Как хорошо в свой выходной
Побывать дома вместе с семьёй!

* * *

Ты можешь быть ласковою кошкой.
Ты можешь быть дикою пантерой.
Кусая губами тело,
Ты смело достигаешь цели.

Идёшь по жизни мягкою походкой.
Под ласками прикрываешь глазки.
Умело изгибаешь тело
И каждый день меняешь маски.

Эротично одеваться,
По-французски говорить –
Ты прошла науку в школе,
Без неё тебе не жить.

Перед зеркалом вертеться,
Быстро глазками стрелять,
Бить всегда на поражение,
Утром до полудня спать
И немного, мило врать.

Признанья ты достигаешь тренировкой.
И в баре всё вниманье на тебя,
Когда танцующей походкой
Идёшь ты к стойке у окна.

Ты любишь дорогие вещи
И милый беззаботный флирт.
Когда купаешься в шампанском,
Сбываются мечты и сны.

Чёрный пакет

Ветер сорвал пакет, поднял, закружил.
 За голую ветку тополя, забияка, его зацепил.
 Он висит, проходит осень, и скоро зима.
 И свет из окон «корабля», как отблеск костра.

Чёрный пакет – как чёрный флаг флибустьеров
 Над нашим двором, как выходец из древних романов.
 И мы собирались под ним, мы, дворовые дети,
 Под тополем старым избирали своих капитанов.

Где лужа большая и камыши выше нашего роста,
 Мы острова открывали, фехтуя на палках.
 На абордаж брали гаражи и деревья
 И карту двора рисовали в школьных тетрадах.

А на прудах плоты как каравеллы.
 Мы открывали острова и забытые земли
 И с упоением читали морские новеллы,
 Как бороздили моря бродяги и капитаны.

Годы летели стрелой, мы повзрослели.
 Тополь спилили и на ЗИЛе увезли.
 Но детство порой стучится в закрытые двери,
 И старый пакет гордо реет на студёном ветру.

* * *

Детка, мне уже тридцать три,
Говорят, это возраст Христа.
Детка, не мели чепухи,
Я сегодня не тот, что вчера.

Я стою на ветру, сигаретку курю
Да люблюсь на серые крыши.
Ты щебечешь: «Люблю, люблю!»
А я просто погулять вышел.

От холодного пива горло першит,
А ты как хвостик плетёшься за мной.
От ларька до ларька, где на вынос, в разлив,
Этой мокрой, холодной весной.

Я бегу от тебя, но куда и зачем?
И на всё я рукою махнул.
Если любишь меня, бери насовсем,
Пока я у ларька не уснул!

* * *

Что во взгляде твоём увидал?
Устремлённые к небу глаза.
Где сквозь призму любви и слезы
Удивлённо смотрит душа.

Ты идёшь, легка и прозрачна,
Словно облако в солнечный день.
Отгоняешь горе-ненастье,
Словно светлая, добрая тень.

Бесконечность от А и до Я,
Где улыбка – символ добра.
Где раскинула крылья мечта
Над страну вечного сна.

Мостик в детство – хрупкая вещь,
Но любовь не имеет преград.
Бесконечность – это не блеф,
Это просто вечность, весна.

Мостик в детство – хрупкая вещь.
Ты идёшь, легка и свободна.
Для тебя этот путь – туда и назад.
Для меня этот путь – лишь оттуда.

Я пытаюсь понять и простить.
Запутать в твоих волосах
И запутаться в складках одежды.
Разве можно улыбку забыть?
И твой взгляд, дарящий надежду!

Подставляю бокалы под дождь,
Выпиваю прохладную влагу.
Я иду по дороге из грёз,
Спрятав в ножны старую шпагу.

Нашей кошке

Спит Багира на диване,
Тихо спит.
Снятся ей морские дали
И пиратский бриг.

Как она, смотря в бинокль,
С косточкой в зубах,
Увидала каравеллу.
А на ней мышат.

Выпив кружку молока,
Закусив ставридкой,
Промурлыкав: «Что ж, пора
Поиграть нам с рыбкой!»

– На абордаж! – кричали все коты.
– На абордаж! – мурлыкала команда.
И кверху задирали все хвосты,
Готовясь к бою с серой бандой.

– Они украли у хозяйки сыр,
Они стащили у Серёжи кубик.
Мы отомстим, мы постоим
За честь мундира британской шкуры!

И вот скрестили шпаги и мечи.
Коты рвались в бой по реям.
А мыши отбивались как могли
И отходили на корму, слабея.

И вот когда Багира впереди,
Зажав в изящной лапке нож,
Вдруг слышит откуда-то издали:
– Багира, кушать! Тебя зовёшь, зовёшь...

Открыв глаза на стареньком диване,
Багира потянулась, зевнула.
И побежала, и понеслась
На кухню к миске, где печёнка стыла.

Одиночество

Одиночество, как
Тугая петля,
Оплетает меня
Днём, как всегда.

Но находишь порой
Ту, что не прочь
Провести эту ночь
Рядом с тобой.

А наутро опять
Дым сигарет,
Телевизора свет
И тревожный рассвет.

Хмуро смотришь в окно
На бушующий дождь.
Коньяком иль вином
Гасишь нервную злость.

* * *

Всё получилось не со зла.
Всё получилось как бы так.
Внахлест затянута петля,
Тугое горло оплела.

И вот конец, и вот ответ –
Стакан без дна, дрожит рука.
И ты не помнишь, где и с кем.
И сколько было в тот, в этот день.

А дома сын, он ждёт отца.
Не спит уставшая жена.
А ты в каком-то кабаке
Проводишь время в пьяном сне.

Случайный друг – нальёшь вина,
Потом добавишь, и до дна.
Вот так теряется семья.
Но что страшней – ты потерял себя!

На Якорной

Нам автобаза дом родной,
Десятилетие за спиной,
Мы повзрослели, поседев, мой друг.
Названия менялись враз,
То «ЕвроДонат», то «РусТранс»,
Ну а теперь «РТгрупп».

«Камазы», МАЗы – ерунда.
Теперь вот «Вольво» – не беда,
Мы собираем, закрыв глаза.
Прицепы – «Рендерсы», «Шмитцы»,
А также Нерки – до зари
Мы ремонтируем, не разогнув спины.

Вот Витька, главный моторист.
Залудит спрайта – вот артист,
В моторы лезет, по уши в грязи.
Без суеты, без толкотни,
С форсунками он на ты,
И с вкладышами, и с клапанами тоже.

Он чаю крепкого нальёт,
Положит сахар, как на взвод,
Перемешает и выпьет залпом.
Нас удивляло, и не раз,
Как можно пить этот суррогат?
А он: чай должен быть тягучий!

Завхоз наш Лёлик молодец!
Он разберёт, соберёт прицеп,
Водителю всё объяснит толково.
Колодки, пыльники, валы –
Они ему уж не страшны,
Два дня – и ТО-2 готово.

Он деньги быстро соберёт
И мыло в шкафчик уберёт,
Повесит на него замок амбарный.
Листает старую тетрадь,
Всего хвостов там сорок пять.
А он – он по прицепам главный.

У нас Юрок в ремзоне есть,
Аргоном варит, честь по честь.
И лишь одна у него забота –
Чтоб выиграл опять «Зенит»,
Чтоб Кержаков опять забил
И чтоб Аршавин не ушёл в «Спартак».

Он до рыбалки сам не свой,
И летом ловит и зимой,
А Ладога для него – ну просто лужа.
А нынче он курей купил,
А петуха чуть не убил.
«Гастелло, – говорит, – Гастелло!»

Вот шинщик Стас, герой труда.
От колеса до колеса
Он гайки гайковёртом крутит.
Не заряжает, что вы, нет,
Водилу просит: «Дай на обед!
А то я не сорву твою «приблуду»!

Да, дай полтинник, или два,
Чтоб не болела голова,
Домкрат поставлю после без труда!»
Перепишет номера колёс
И шпильки маслицем протрёт.
А это, братцы, уже сервис!

Случилась раз беда у нас,
Пылал прицеп в вечерний час,
А Стас для верности солярочки плеснул.
Огнетушитель под рукой,
Несётся токарь – заводной.
Он потушил, мастерством блеснул.

Есть токарь – «мамочка» у нас,
Он жизни учит каждый час,
И в общем-то бывает прав.
Он за ремзону, сам не свой,
Готов идти в последний бой
И глотку рвёт с Никитичем за нас!

Стоит уставший, как всегда,
За ручки держится станка
И Стаса учит нарезать резьбу.
Колёса Петю подождут
И никуда и не уйдут.
А вот резьба – дело тонкое, Петруха!

Электрик Валера без труда
Заменит лампочки всегда.
И свет отремонтирует всем дальний.
Починит мигом АВС.
А это ведь уже прогресс.
Заменит предохранитель самый главный.

Он с «Беломорчиком» всегда
И, если не горят «рога»,
Обрыв найдёт и соединит бесстрашно.
Поможет всем он без проблем
И кофейку нальёт нам всем.
Хорошая у нас бригада, как ни странно!

Созвездия

Мы все живём законам вопреки,
Не подчиняясь знакам Зодиака.
Десятилетия – сколько смолото муки,
Что сам Амур смеялся, забияка.

Поправ талмудов жёлтые листы,
Мы улыбнёмся немного виновато.
Сегодня Близнецы и Львы
По Млечному Пути шагают рядом.

А через годик маленький Стрелец
Подымет ручки в маленькой кроватке.
Созвездия-близняшки спустятся с небес,
Чтобы крестить ребёнка в Невской Лавре.

И первый лук отдаст ему отец – Близнец,
Который после флюгера смастерит на даче.
А мама-Львица скажет: «Молодец!» –
Сменив охоту на дом и дачу.

Но если всё же предсказания правы
И Львица съест гулёну-Близнеца,
То в дом войдёт его вторая сторона,
Близнец-домашний, разновидность близнеца.

* * *

Нет на свете справедливости.
Всё пустое, всё слова.
И бредёт по божьей милости
По этапу вся страна.

Роковые цифры писаны
«Беспределом» на века.
Тридцать семь – наколка вышита
Под рубашкой, где душа.

Синева сияет холодом,
Профиль Сталина-отца.
И бредут, гонимы голодом,
Всё советские зека.

А Гулаг раскрыл объятия
Для непрошенных гостей.
А в России плачут матери,
Вспоминая сыновей.

А потом беда народная
Под названием – война.
И пошли мы, заключённые,
В штрафники, скостить срока.

Воевали в окружении –
Сторожил заградотряд.
А затем из окружения
На восток – и без преград.

Снова зона, снова вохра.
Снова мёрзлая земля.
«Беспредел» катился комом,
Кличка – «Сучья война»!

А кто выжил, кто остался,
Пятьдесят третий отогрел.
Кто в бараках не сдавался,
На свободу загремел...

* * *

Сударыня, где были раньше Вы,
Сударыня, богиня, Афродита?
И светлым днём, и в сумерках ночи
Вас не встречал под звёздным небом Крита.

На пляжах Франции или в тени аллея
Я мимо проходил, Вас не замечая.
Всевышний мне глаза открыл,
И о любви Вас я на коленях умоляю!

Одну улыбку, один кивок,
Ваш взгляд – как награда свыше.
Быть Вашим рыцарем даю зарок.
И на дуэли защищать Вас ценой жизни.

Ваш тихий голос, и шелест платья,
И пальчики на клавишах рояля
Волнуют кровь. Не это ль счастье?
Вас видеть и мечтать о рае?

Клевета

Слова слетают с губ,
Как птицы, – навсегда,
Больны, как свист бича,
На тело, где душа.

Беда, как дождь, стучит в моё окно,
Ведь карты розданы давно.
И ты бросаешь мне в глаза – слова.
А я шепчу: «Всё клевета...»

Подруга заговор плетёт
И по телефону тебе врёт.
А ты киваешь головой
И смотришь на меня с тоской.

Кому ты веришь, девочка моя,
Посуду бьёшь и собираешь вещи.
Всего дороже мне моя семья!
А сплетни с клеветой оставь соседям.

* * *

Я сижу на крыше мира,
Свесив ножки над обрывом.
Подо мною облака
И старушка мать-земля.

А внизу, как на картине,
Муравьи спуют в долине.
То воюют, то пируют,
Свои подвиги рисуют.

Суетятся, да без толку.
Ташчат в дом то шкаф, то полки.
А пришельцы делят норки,
Им важней рубли, не стройки.

Правда, есть смешные виды.
И картины, и стихи
Им милей, чем рёв торсиды,
Поважнее чепухи.

Я сижу, курю сигарку
И смотрю на эту свалку.
Видно, мир творил Творец –
Улыбаяся.
Остаётся муравьям –
Жить и каяться.

* * *

Не переживай!
Я скоро приду.
Не стой у окна,
Не кури сигарету.
Включи телевизор
И выпей вина.
Сегодня чуть больше,
Чем вчера.

Не переживай!
Я больше не пью.
У меня есть зонтик
И новая сумка.
А ещё
Я купил себе кошелёк.
В нём немножко денег
На разные штучки.

Не переживай!
Я не усну.
В троллейбусе давка,
И мне оттопчут ноги.
Я скоро выйду
И по лужам пойду
От моей остановки
До твоего дома.

Не переживай!
Я лишь посмотрю,
Как ты сладко спишь,
Не смотря телевизор.
А я на кухню
Тихо пойду.
Я просто устал,
Долго ждал троллейбус.

Жене Ефимову

Послушай, друг, нам по тридцать шесть лет.
Как говорится, полжизни уже позади.
И хочется порой просто посидеть в тишине,
Чем ехать куда-то на рок-концерт.

Белые ночи, тёплый вермут.
Сигары дым, кофейный клуб.
Но календарь листает ветер,
Срывая лепестки минувших дней.

Нам стало уютней в домашних тапках.
Компьютер вошёл прочно в досуг.
Мы что-то ищем на интернетовских свалках,
Глотая часы, не считая минут.

Мы слушали Майка, БГ и «Алису».
Никольский, Романов с катушечных плёнок
Звучали всю ночь.
А мы постарели, да, мы поседели.
Но всё же в душе поёт рок-н-ролл.

Послушай, друг, нам по тридцать шесть лет.
Футбол и компьютер вошли в наш обиход.
Домашние тапки, ночной интернет.
Но я верю, в душе поёт рок-н-ролл!

* * *

Мне по жизни выпала карта
Быть поэтом, всему вопреки.
В танце станций, в плену у азарта,
Сочинять в электричках стихи.

Пусть не сбылись мечты о высоком,
Не в почёте я, и не в грязи.
Но на луге рассветном, далёком,
И мои напевы слышны.

Бьётся жизнь об камень неверия
Безразлично смотрящих мне вслед.
Ухожу я тропею забвения,
Непризнанный русский поэт.

Памяти Олега Орлова

Я хочу надышаться
Летним утренним смогом.
Пыльный город вдохнуть
Полной грудью
И выплюнуть вон.
Я хочу разбежаться,
Чтоб пела дорога,
Унося под колёса
Тоску площадей,
Каналов, мостов.

Я услышать хочу
За порывами ленинградского ветра
Мишку Круга тверского,
Его нежный, лирический лад.
Как, зажато в тисках,
В клетке рёбер колотится сердце.
И как девочка в баре
Поёт на заказ невпопад.

Я увидеть хочу
Облака над Финским заливом.
Полёт чайки над городом,
Где родился я, вырос и жил.
Как пролёты мостов расправляются,
Словно крылья с серым отливом,
Нас с тобой обрекая на разлуку
В этот зимний, декабрьский день.

15 декабря 2005 г.

* * *

Красивые странницы в странных одеждах
Танцуют танго под музыку бубна.
А я сижу в кресле, в напрасных надеждах,
Курю сигаретку и дую на воду.

А я тоже хотел порой в пляс.
А я тоже хотел с высоты вниз.
Да только я сделал в сторону шаг.
И меня не тянет теперь на карниз.

Игривые вина в хрустальных бокалах,
Шатенки, брюнетки, зеркальные взгляды.
Всё в прошлой жизни – хлеб и вино.
Иллюзия зрелищ, бутылок стекло.

Я обхожу стороной казино,
После работы еду в метро.
По вечерам пью зелёный чай.
Слушаю рок и листаю журнал,
Слушаю группу «Облачный край».

Мне тоже порой хочется лета.
Мне тоже порой хочется моря.
Но дождь за окном и порывы ветра.
Капризы погоды, как в песне у Цоя.

Болгария

Давай, скрипач, играй,
Ведь публика в восторге.
Пусть девочка поёт
На русском языке.
Сегодня сбросим с плеч
Невзгоды и заботы.
Сегодня отдохнём
В болгарском кабаке.

Пусть сыну принесут
Шашлык «по-монастырски».
Пускай шампур метровый,
Я знаю, он всё съест.
Не надо удивляться,
Что два запястья в гипсе,
Он просто заигрался
На солнечном песке.

В день рожденья мамы
Он преподнёс подарок –
Закрытый перелом
Плюс трещина в руке.
«Болгарский Краб» прозвали
Серёжку понарошку
И вспомнили экскурсию
На скорой налегке.

– Будьте так добры,
Салат «по-деревенски»,
Любимой «каварму»
И красного вина.
Ещё салатик «шопский»
И с чесночком два хлебца.

И песню про меня –
«Бутылка вина,
Не болит голова».

На катере катались.
Рыбалка в Чёрном море.
Но рыба не ловилась,
Один бычок на всех.
Зато купались в море
С медузами на воле,
И волны нас качали
То вниз, то вверх.

Я с медузами плавал.
Я кушал акулу.
Я с крабами дрался,
Но не был укушен.
В волнах я плескался,
Все плавки в песке.
Их чуть не оставил
В прибое, на дне.

Мы в Варне побывали,
Несебр мы посещали.
Осматривали остров
И церкви целый день.
На лавочке сидели,
Мороженое ели.
На катере катались
Все кому не лень.

Понравилась икона –
«Марина в старой лодке
Поймала чёрта в море
И лупит молотком».

Мы на базаре местном
Не покупали шмотки,
А не спеша гуляли
По городу пешком.

Ах, хитрый паровозик
Увёз, куда не надо.
И мы пошли обратно,
Смотря во все глаза.
И хоть натёр я ноги,
Но сам я с Ленинграда,
И я запомню берег
Болгарский навсегда!

Декабрь 2007

* * *

Опять в кармане звон монет.
Бумажных денег в куртке нет.
И пробиваюсь я домой
В метро, подземною тропой.

Ты у двери сидишь одна,
Бросаешь взгляды на меня.
А я уставший и больной,
Я так хочу скорей домой.

Веселья смех потух в глазах.
Печаль улыбки на устах.
А ты всё не отводишь взгляд,
Секунды как часы летят.

С тобою выйду из метро.
Зайдём поужинать в бистро.
Меня на кофе пригласишь
И поцелуем наградишь.

Придём к тебе, ты для меня
Станцуешь танец живота.
Затем для избранных на бис
Покажешь фирменный стриптиз.

Мы разогреем эту ночь.
Печаль, тоску прогоним прочь.
И пусть в динамиках хрипит
Забытый ныне модный твист!

Февраль 2008

* * *

Метро, душный вагон.
Ты сидишь напротив,
Читаешь журнал
«Человек и закон».

Друзья говорят,
Ещё не сезон
«Охоты на ведьм»,
Снег и слякоть кругом.

На хрупких плечах лейтенанта погоны.
В глазах синева и буквы закона.
А я подойду и спрошу телефон.
А я провожу, а я донесу молоко и батон.

Мне нравятся девушки
В форме военной.
Я не последний,
Я и не первый.

На улице ночь,
Ты едешь со службы.
А я, как всегда,
Немного простужен.

У тебя дома мама
И сямская кошка.
Давай постоим
В парадной немножко.

Я провожу тебя до дверей.
Расскажу анекдот повеселей.
На лестнице тёмной будем смеяться.
И будем немножко с тобой целоваться.

Давай с тобой
Встретимся наедине.
Сходим с тобой
Завтра в кафе.

Пусть опоздал
На последний трамвай,
Пешочком пойду
В свой сумрачный край.

Пусть транспорт спит
На стоянках и в парках,
Я по лужам домой,
По бульварам и паркам.

На хрупких плечах лейтенанта погоны.
В глазах синева и буквы закона.
А я подойду и спрошу телефон.
А я провожу, а я донесу молоко и батон.

Январь 2008

Памяти домов Санкт-Петербурга

Девочка, вытри слёзы,
Ещё один дом под снос.
Поломаны окна, выбиты стёкла,
Разбит барельеф из роз.

Паркет забрали соседи,
Сняли двери, замки.
Зашёлки и петли, медные ручки,
Всё с собой унесли.

Город предал исполина,
Подписан рукой приговор.
Жильцы получили квартиры,
Махнули на домик рукой.
Оставили домик больной.

Неважно, кто архитектор,
Решил пожитьяся бомонд.
– Здесь офис банка в проекте,
А вы говорите – ремонт!

Ветер листает газеты,
Теребя штукатурку и пыль.
Забытая кукла на старом комоде
Грустно смотрит на мир.

Девочка, хватит плакать,
Слёзы смешались с дождём,
Дом бойницами окон
Прощался навек с городком...

Март 2008

Пропавший без вести солдат

Пропавший без вести солдат, –
Сколько горя в этой фразе.
Нет могилы, нет оград,
И не представленный к награде.

Пропавший без вести солдат,
Он так хотел домой вернуться,
Где мама ждёт и младший брат,
Но с фотографии лишь взгляд
Серьёзных глаз перед разлукой.

В окопе старом, или со штыком,
Ты в полный рост вставал в атаку,
Горел ты в танке, или под Ельцом
Твой батальон попал в засаду, –

Не знаю я, но каждый год
Приходят люди к монументу,
И взвод солдат, чеканя шаг,
Венки возложит к постаменту.

На фотографии серьёзный взгляд
В альбоме старом у родни.
Пропавший без вести солдат,
В какой земле ты видишь сны?

Май 2008

Моя королева

Здравствуй, моя королева!
Я выполнил то, что велела.
Разбил в Нормандии саксов
И покорил гордых басков.

Здравствуй, моя королева!
В порту моя каравелла.
В трюмах – золото инков
Лежит, упаковано в слитках.

А ты стоишь у окна.
За тобой тень святого отца.
И мне не по нраву,
Что этот плюгавый
Решает всё за тебя.
Во имя святого креста!
Во имя святого Христа!

Прощай, моя королева!
Ты знаешь, мне надоело
Быть пешкой у кардинала.
Зла в этом мире немало...

Прощай, моя королева!
Крестовый поход как химера.
За гробом господним – солдатом.
За искрою божией иль златом?
За плащаницей иль златом?
Я умираю солдатом!

Октябрь 2008

Боль мира принять,
Передать её через слово.
На белый лист положить
Строкою-узором.

Быть зеркалом, отражать
И радость, и горе.
Из рифмы плести кружева и мечтать
О любви и о море.

Взлететь высоко, словно птица,
Под облака.
Чтобы упасть и разбиться
В прицеле стрелка.

На сотни осколков-стихов
Разлететься по свету.
Чтоб люди слагали песни из слов,
Не это ль награда поэту?

Декабрь 2008

* * *

Я лечу на дирижабле
Над полями и горами,
Над лесами и холмами,
Над морями и полями.

Я лечу на дирижабле
Выше вышек и столбов,
Мимо снежных облаков,
Мимо радуги из снов.

Я лечу на дирижабле.
Я лечу по белу свету,
Как пушиночка по ветру.
Я лечу навстречу лету!

Только вышла незадача,
Приземлился чуть не плача.
В фляжке кончилась вода,
В сумке кончилась еда.
Приземлился не туда!

Декабрь 2008

* * *

Я не умею рисовать.
Хотя всю жизнь мечтал об этом.
Пейзажи в старую тетрадь
Я рисовал б в деревне летом,
Не будь поэтом.

Уменья нет, мне не везёт,
Ронял карандаши и кисти.
И беспризорный серый кот
Спасался бегством без оглядки,
Испачкав лапки.

На чистый лист штрихов развод
Чертил я, одержим идеей.
Но вышло всё наоборот –
Иероглифы каких-то иудеев.
Я над картиною седею.

На речке утром клёв хорош,
Игра цветов и солнца блики.
А на холсте – туман и дождь,
Сломал я карандаш и кисти.
Вы за погоду извините.

В воскресный час с детьми наедине
Вдоль вернисажа вдруг пройдёте.
В музее Русском на стене
Моих картин вы не найдёте.
В запасниках их тоже нет...

Декабрь 2008

* * *

Опять, в который раз, опять
Я еду в этой электричке.
Сосед, что слева, крепко спит,
Напротив девушка сидит.
Хочу курить, да вот намокли спички.

Куда я еду и зачем? –
Я в этот новогодний день?
То ли на дачу, то ль домой,
Немножко пьяный, заводной,
С гитарой и стихами в книжке.

А ты всё смотришь на меня.
В глазах надежда и тоска.
Прижавшись робко к спинке,
Сидишь как на картинке
И теребишь свои косички.
А за окошком падают снежинки.

Я в тамбур выйду, ты со мной.
Ты на платформу – я за тобой.
На дачном полустанке
Куплю джин-тоник в банке,
И пару зажигалок,
И «Мальборо» в подарок.

Ты подойдёшь, заговоришь,
Прикуришь сигарету.
Я ахинею про Париж
Несу, как и положено поэту.

На дачу мы пойдём вдвоём
И, полечившись джином,
Тихонечко в два голоса споём
У старого камина.

Судьба-злодейка нас свела
Под хоровод снежинок.
А за окном метель, пурга
И шум от электричек.

Декабрь 2008

Сэр Макс

Рукоятка меча торчит из груди,
С драконьей мордой сапоги.
Губы шепчут упрямо: «Всё ещё впереди...»
Чёрное лоохи скрывает следы,
А впереди – миры.

Касаясь платьем тротуара,
Скользишь, не чувствуя беды,
Походкой мягкой ягуара
И, ошалевший чуть от дара,
Ты разрываешь в клочья сны,
С шалуньей вечностью на ты.

Сэр Макс, сэр Макс,
Ветер рвёт и мечет,
Чёт-нечет, чёт-нечет.
Только крыть колдунам нечем,
Ты со смертью нашёл компромисс.

Вершитель, ты судьбу не выбирал,
Ты просто шёл своей дорогой.
И книгу судеб не читал,
Ты умирал и воскресал,
И гениально роль сыграл,
Под стать великому актёру.

Из мрачных и сырых могил
Из века в век лежавшие там люди
Поднялись, лишь Чарли Паркер затрубил
В свой саксофон, на радость судьям,

Чтобы с тобою рядом встать и победить
В последней битве, разбить оковы смерти.
Назло всем предсказаниям и сплетням,
Свою судьбу вершить самим.

Сэр Макс, сэр Макс,
Ветер рвёт и мечет,
Чёт-нечет, чёт-нечет.
Только крыть колдунам нечем,
Ты со смертью нашёл компромисс.

Декабрь 2008

Вечером сырого октября

Вот и всё, прошла весна и лето.
Вот и всё, осталась грусть.
Только наша песня не допета,
Я к тебе когда-нибудь вернусь.

Золотые листья падают под ноги,
Улетают птицы в дальние края.
Мы с тобой расстались на пороге
Вечером сырого октября.

Дождик капает по стёклам,
Словно твои слёзы по щеке.
В тамбуре вагона мы, прижавшись к окнам,
Смотрим на огни, что вдалеке.

У кого-то девушка осталась.
У кого-то дети и жена.
А с тобой родители прощались
Вечером сырого октября.

Бабье лето пролетело скоро.
Только это не моя вина.
Отлучившись, далеко от дома
Не забудем милые края.

Пронесутся годы вереницей.
На виски ляжет седина.
Я вернусь раненою птицей
Вечером сырого октября.

Декабрь 2008

* * *

Всё хорошо, твердят с экранов.
У них – то шоу, то балет.
Бомонд гуляет в ресторанах,
Гламурный, вылизанный свет.

У нас закон как анекдот.
Для них один, для нас другой.
Нахально просит и берёт
Судья, и врач, и постовой.

Где не купить, там запугать.
Чтобы отмазать, уберечь,
Чтобы купить, потом продать
И под статью потом не сесть.

Отцы и деды нефть искали.
Всё для страны – народ мечтал!
Да только всё к рукам прибрали,
Вокруг лишь частный капитал.

Куда ни сунься, нужна виза.
Смотреть на пенсии смешно...
«Всё хорошо, прекрасная маркиза.
Всё хорошо, всё хорошо!»

Январь 2009

* * *

*Случайным свидетелям,
случайным прохожим,
погибшим во время разборок,
ПОСВЯЩАЕТСЯ...*

На красном граните
Красная кровь.
Шальная пуля,
Шальной исход.
Так умирает любовь.

Он был такой же, как ты.
Шёл, торопился с работы домой,
Нёс своей любимой цветы
Прошлогодней серой весной.

В тёмной парадной драка.
Кто кого и за что, не понять.
В голове забродила брага.
Кто-то начал в кого-то стрелять.

Рикошет шальной по стене.
Пуля-дура в сердце легла.
Он шёл, торопился просто к тебе
В марте, третьего дня.

За перила невольно схватился.
На ступеньки тихонько осел.
К серой стене привалился.
Это и есть – беспредел.

На шершавой серой стене
Остался твой след от руки.
Он шёл, торопился просто к тебе.
Нёс своей любимой цветы.

Букет белых, красивых роз
Прижал он к своей груди.
Капли крови, горя и слёз
На ступеньки тихонько текли.

Красный гранит
Впитал твою кровь.
Так умирает любовь.

Январь 2009

Последний рыцарь

Уже давно погас огонь в печах.
Уже давно развеял пепел ветер.
Забыли, как молились при свечах
И кланялись распятому весь вечер.

Когда мечи плели узор во тьме,
На смену павшему вставал
мальтийский рыцарь,
Он появился на холме,
Воскресший, полюбивший и простивший.
Законы лицемерия поправ,
Учёных, книжных фарисеев,
Как луч надежды через мрак,
Он церковь новую для нас
Воздвиг, своих детей жалея.

И мы сплотились, щит к щиту,
Под градом стрел, назло врагам.
И наши стяги на ветру
Притягивали взгляды мусульман.
На крепостной стене и у ворот
Встречали смерть, открыв забрало.
Когда последний рыцарь упадёт,
Тогда враги растопчут наше знамя.
Тогда пески поглотят наше знамя.

И с верой в Господа в душе
За град великий, незабвенный,
За тех, кто умер на кресте,
Отбросив прочь свои сомненья,
Свою Голгофу мы смогли принять.
Кто был последний, тот стал первым.
И честь свою не запятнать,
Последний рыцарь – он и есть последний...

* * *

Твоё время ушло, ты для многих стал просто обузой.
Значит, что-то не то, значит, делаешь что-то не так.
От тебя отвернулись друзья и забыли подруги,
Раз счастье своё поменял на блестящий пятак.

Ветер бьётся в окно, как усталая птица.
Бой настенных часов подгоняет твой век.
Журавля не поймал, упустил и синицу
И с одышкой дышишь, замедляя свой бег.

Тебе дети показали кулак,
Значит, в доме что-то не так.
Жена подарила рога,
Значит, в двери стучится беда.

Тебя засосал ночной интернет.
Настольная лампа – твой солнечный свет.
И с тещей за дачу война.
И ссоры с утра, как всегда.

Как всегда, опоздал, как всегда, перепутал.
И дороже тебе четырёх стен тишина.
За стеклом пелена, туман окна укутал,
И квартира твоя – это просто тюрьма.

А когда-то ты был молодым и смешным.
Любил пикники, шашлык и вино.
Теперь ты устал и тебе всё равно,
Что скажет сосед у тебя за спиной.
Эх, герой...

Июль 2009

* * *

Она не любит мужчин.
Она не спит по ночам.
Находит сотни причин
Не открывать дверь гостям.
Кто там?

В её стакане коктейль.
А клуб открыт до утра.
А дома смята постель,
Она была не одна...
Весна!

Живёт у бабушки дочь.
Ты навещаешь порой,
Когда на улице дождь,
В неделю раз, в выходной.
И скучно быть в выходной
Одной.

Твоя подруга ушла,
Забыв на кресле часы.
А за окном облака,
И снятся сладкие сны:

Вы с ней играли в любовь,
Надев на ножки чулки.
Фантазии ваших снов
Всё воплотить не смогли.

Одежда школьниц в шкафу,
Передник белый и бант.
Шары лежат на полу
И спрятан NIKON в сервант.

На серой ткани листа
Образ твой в неглиже.
Но тень разлуки легла
На ваш портрет на стене.

В пустой бутылке вина
Застыла роза в тоске.
В ночном проёме окна
Твой силуэт в темноте.

Октябрь 2009

* * *

Дети выросли, дети взрослые.
Улетают с зелёного острова.
Улетают из родного гнезда,
Раз пора расставаний пришла.

По долине гуляет гроза.
Первый гром, настала весна.
А по небу летят косяки,
Словно осенью листья с ветлы.

Мелет время тёплые дни.
Незабудки уже отцвели.
Мы надеемся, ждём,
Что вернуться к нам в дом
Наши милые сорванцы.

Ноябрь 2009

* * *

Я в пустую квартиру войду,
Дотянусь до уснувшей гитары,
Что пылилась год на шкафу,
Вспомню молодость – как мы играли!

На диване присяду в углу,
Тихо трону забытые струны.
На плакат на стене посмотрю –
Как мы молоды были и юны.

Разбрелись друзья, разбрелись
По работам, квартирам и дачам.
Кто подался в семью, кто в тюрьму,
От кого отвернулась удача.

За окном дождя пелена,
Заварю себе крепкого чая.
Вспомню всех бунтарей из двора,
Кто с гитарами двигался к краю.

Нежно гриф рукой обниму.
Вытру пыль со старенькой деки.
Чиркну спичкой и закурю –
Мы с тобой ещё живы на свете!

Июнь 2010

* * *

На стареньком диване,
Гитару взявши в руки,
Под «фуги» на рояле
Разучивал я гаммы.

Ты в платье летнем у окна
Смотрела молча на меня.
Смотрела нежно на меня.
А пальчики летали
По клавишам рояля.

И увидел я, и прозрел,
В зеркало на себя посмотрел –
На правом плече
Белый ангел сидел
С белыми-белыми крыльями.
Мне протягивал образ с молитвами.
Смотрел прямо в глаза.
Из глаз покати́лась слеза.

А ты смотрела молча на меня.
А ты смотрела нежно на меня.

И увидел я, и узрел,
В зеркало на себя посмотрел –
На левом плече
Чёрт уставший сидел.
Соблазны мои смаковал.
Как книгу, мысли листал,
Строку за строкою читал.

А ты смотрела молча на меня.
А ты смотрела нежно на меня.

Я между небом и землёй,
Между пороком и добротой,
На стареньком диване
Разучиваю гаммы.

Застыли, умерли все звуки.
А я смотрю на твои руки –
Как пальчики летали
По клавишам рояля.

Душа рвалась в небеса,
В твои бездонные глаза.
А в зеркале лишь пелена,
Когда поцеловал тебя...

25–26 октября 2010

* * *

Прощай, Бологое, прощай!
Машет веткой Валдай.
Опять расстаёмся на год,
А там – как повезёт.

Здесь родина детства моя –
Озёра, леса и поля.
Здесь дедушкин дом,
И там, за окном,
Трели слышны соловья.

Красно Раменье – девственный край.
Забывали тревогу, печаль.
Как по лавам из Кафтина шли.
Длинного не боялись пути.

Помню летние дни у пруда.
Первого своего карася.
Помню, гуси щипали меня.
С плачем я убежал со двора.

Подлипье, деревня в тиши.
Мухтар сидит на цепи.
Крольчата в клетках не спят,
Морковку ждут от ребят.

Время бежит, бегут дни.
Но снятся часто мне сны,
Как с братишкою строили плот,
Чтобы уплыть от невзгод.

Брёвна тащили пыхтя.
Надрывались мы – детвора.
Чтобы не видел никто,
Было нам тогда нелегко.

Глубочи́ха, над речко́ю мост.
Краснопёрку поймал я за хвост.
Дёрнул удочку просто шу́тя –
На крючке килограммчика два!

Я закинул опять не спеша.
Вытащил на свет окушка.
На хвосте задумчивый рак.
Удивлялись ребята. Вот так!

Из Подлипья в Бологое
Один разок пошли.
Двенадцать километров
Осилить мы смогли.

Обратно на автобусе
Мы ехали домой,
Медведево оставив
За «кормой».

Бологое, тихий городок.
Паровоза слышится гудок.
Заозёрный микрорайон,
Где за озером милый мне дом.

Красная горка и Озерки,
Мы здесь не узнаем тоски.
Ведь мальчишки способны мечтать,
Между сосен в пиратов играть,
Вокруг озера с песней шагать.

Вокруг озера ноги несли.
До Глубочи́хи дошли.
В Подлипье на обратном пути
Не торопясь добра́ли.

Сели на автобус в «Бологое-2»
И обратно в город, где ждут уже друзья.
Мы потом с Алёшкой фокус повторили,
На велосипедах маршрут весь прокатили.

Не боялись переплывать
Озера синюю гладь.
По-собачьи гребли как могли,
Чтоб девчонкам сказать: «Мы смогли!»

Красно Раменье, Подлипье – рай!
Деревенский, девственный край.
Кафтино, Бологое, Валдай –
Словно шепчут: «Не забывай!»

Декабрь 2010

* * *

Листьями жонглировала осень –
Озорная, рыжая шалунья.
То охапку вверх подбросит,
То положит под ноги игриво.

В старом парке, на аллеях,
Властвует милая колдунья.
Где влюблённые смеялись на качелях,
Целовались нежно и стыдливо.

Беспокойный ветер носит
Золотые листья, как пушинки.
То пасьянс из них разложит,
То сметёт всё в кучу бережливо,

На полянах веером раскроет,
Растасует, как колоду,
Ненароком в пруд уронит,
То в кусты забросит суетливо.

В старом парке, на аллеях,
Где растут дубы и клёны,
На серебряных качелях
Веселилась осень у залива.

Декабрь 2010

Пацаны

Пацаны, пацаны,
Вы одеты как надо, по форме.
На плацу строим шли и чеканили шаг.
Ждали матери вас в родительском доме.
Ждали девушки вас, проводив, зелёных ещё салажат.

Пацаны, пацаны,
Вы присягу давали стране в восемнадцать.
В ОЗК умирали на полосе, задыхаясь от бега.
Только «дед» вас учил в бою не сдаваться,
Словно ты последний солдат уходящего века.

Пацаны, пацаны,
По тревоге вы ночью вставали.
А сержант по последнему счёт вёл секундомером.
А потом марш-бросок по пыльной дороге бежали.
Чтоб в актив записать десять своих километров.
Возвращались в часть вместе с рассветом.

Пацаны, пацаны,
Вы не вешались, вен себе не вскрывали.
На посту вы стояли и в дождь, и в пургу.
А домой своим близким вы просто писали:
«У нас всё хорошо. Потихоньку служу.
Вот приеду, всё расскажу. Целую. Люблю!»

Пацаны, пацаны,
Вы в танках в засадах горели.
Вас расстреливал снайпер на «блоках» в горах.
В окруженье дрались вы, своих сил не жалели,
Вырывая чеку из гранаты с болью в глазах,
Чтоб пробиться к своим могла рота солдат.

Пацаны, пацаны,
Кто в бою, кто в плену погибали,
Последних сто дней до приказа не дослужив.
В закрытых гробах в батальоне вас провожали,
Посмертно медалью в лучшем случае вас наградив.
А девушки ваши «живые письма» подругам читали...

Пацаны, пацаны,
Не ваша вина, что не вернулись,
Не вошли в отчий дом и не обняли мать.
Не мелькнёт ваша тень в лабиринте стареньких улиц.
Только письма в серванте будут свято лежать.

Пацаны, пацаны,
Вы умирать не хотели.
Только надо кому-то Родину-мать защищать.
Ваши души на небо журавлями взлетели
Сквозь облака, где солнце будет вечно сиять,
Чтоб хоть иногда над домом родным пролетать.

Январь 2011

* * *

Туманный Альбион по-прежнему далёк,
Мне не доплыть туда, уснула каравелла.
И белый парус в дымке не мелькнёт
Над синею волной туманного залива.

Что Старый Свет, что Новый Свет, мне не доплыть.
Сошли на берег мои матросы.
Песчаный берег лижет языком прилив.
И над проливом реют альбатросы.

И кто мне скажет, где те моряки,
С которыми ходил на берег?
Быть может, кто-нибудь на дне.
И косточки от соли побелели.

А кто-то, дни свои на рее
Закончив, благородные скитанья,
Висит с пеньковым галстуком на шее.
Дай бог ему прощенья, покаянья!

В каморке старой у окна
Смотрю на море белёсыми глазами.
И вижу в дымке: то ли пелена,
То ль бригантина с парусами.

Март 2011

* * *

Торопился, чтобы успеть
Песню спеть или просто сказать.
На краю горы постоять,
Чтоб взлететь или просто упасть.

Торопился, чтобы успеть
Написать стихи о любви.
Что мы знаем о ней, скажи?
Только сны, миражи...

Торопился, чтобы успеть
По тонкому льду идти –
Вечности, бытия...
В зеркале отражалась душа.

Торопился, чтобы успеть
Жизнь с каждым вздохом глотать.
Радоваться и страдать.
На звёзды смотреть и мечтать.

Торопился, чтобы успеть
Свечою до воска сгореть.
Чтоб на миг осветить темноту
И уйти по росе за черту...

Сентябрь 2011

* * *

На старой сцене в парке городском,
Где деревянные подмостки,
Играл сверчок, взлетал смычок
И музыка лилась без остановки.

Струился дождь, и капельки дождя
Смешались со слезами скрипача.
Кружилась, падала листва,
По воздуху легко скользя.

В зелёном фраке маленький сверчок
Прощался с солнышком и летом.
С кленовой ветки пламенный листок
Под ноги лёг, гонимый ветром.

Звучала скрипка нежно и печально.
Над старым парком мелодия летала.
Немного грустно, театрально –
Что невозможно жизнь начать сначала.

Сверчок играл, и скрипка пела,
Что осень поступью несмелой,
Багрянцем листья крася акварелью,
Идёт тихонько по пустым аллеям.

Сентябрьским, дождливым днём
Звучала скрипка в старом парке.
И лишь у сцены старый клён
Шуршал листвою возле арки.

Мелодия кружилась, замирала.
В аллеях парка заплутала.
Взлетала паутинкой тонкой,
Переливалась музыкой негромкой.

В осеннем дождике звучала.
Качели детские качала.
Парила в воздухе пушинкой,
По веточке катясь слезинкой.

Со скрипачом простившись у берёзок,
Летела между небом и землёй.
И в лабиринте тропок и дорожек
Вдаль уносила с жёлтой листвою.

Под шёпот падающих листьев,
Скользя под каплями дождя,
Сверчок, укутавшись в листок,
Уныло брёл по лужам сентября.

Март 2011

* * *

Зима не зима. Осень не осень.
То снег, то дождь. Мокрый асфальт.
На улице слякоть. Ветер холодный.
Это мой город. Мой Петроград!

Невский проспект убран и выбрит.
Сусальное золото в рамках витрин.
Стоят манекены. Идут манекены
По тротуарам болотных равнин.

Этот город пьяниц, бомжей и собак.
Этот город упёрт в новостройки.
На киноплёнке он остался в веках
От Петроградки до Пискарёвки.

Ветер с окраин рушит гранит.
«Нево – Нева» грозит наводнением.
Между Финским и Ладогой город лежит,
Не покорённый врагом. Не стёрт временем.

Блокадный город Святого Петра,
Где купола нависли над градом.
Туберкулёзная бледность лица.
Я этот город зову Ленинградом!

Ветер колышет бывшие знамёна.
Случайный прохожий, враг или друг?
Соборы, музеи, на «Ваське» колонны.
Это мой город Санкт-Петербург!

Январь 2012

* * *

А над Питером опять солнечный день.
А над Питером опять нет облаков.
Я хожу как чумной, а рядом тень.
Она опять рядом со мной.

Кепку кинул в пакет, бреду не спеша.
Тёплый воздух пьянит, пахнет весной.
Ленинградка плывёт – так хороша!
Я иду по дороге вдоль по прямой.

На «Петровском» опять вувузелы гудят.
На «Петровском» опять играет «Зенит».
Над городом чайки в небе кричат.
И слышится мне: ««Зенит» победит!»
В переходах ребята достали гитары.
Я подойду, постою, покурю.
Пусть Витя ушёл, пусть он не с нами,
Но песни его встречают весну.

Шумный Невский сверкает рекламой витрин.
Только мне этот блеск совсем ни к чему.
Я сверну в переулок, где нет машин,
И между домов тихонько пойду.
Чтоб встретить весну!
Чтоб встретить весну!

Апрель 2012

* * *

*Невинным жертвам судейских ошибок
ПОСВЯЩАЕТСЯ...*

Я не помню имён.
Я не помню лиц.
Всё, что было, – лишь сон.
Всё, что было, – лишь дым.

Я смотрел на закат,
Не в силах понять,
Что такое любить?
Что значит страдать?

А великий немой
На вершине холма
Простился со мной,
Рукою маша.

Я глотал тишину,
Поглощённый во тьму
Бесконечных дорог,
Уходя на восток.

Я не слышу дыханья.
Я не слышу стук сердца,
Приняв покаянье,
Как последняя жертва.

В чёрном небе гроза
Хоронила меня,
Смешав капли дождя
Со слезой палача.

Я молюсь на прощенье –
И прощенье придёт,

Когда первый рассвет
Над землёю взойдёт.

На восходе времён
Или друг, или враг
Вспомнит имя имён –
И рассеется мрак.

Над могильной плитой
Вытрет слёзы рукой,
Чтоб воскресла душа
В светлой радуге дня.

Октябрь 2011

Простые зарисовки о Турции

1

Средиземное море, солнце берег ласкает.
Нас с тобою встречает голубая волна.
В Махмутларе под пальмой ты стоишь, улыбаясь.
Прекрасна как нимфа и как ангел светла.

Мы с тобой прилетели отдыхать две недели.
Лишь покинули «Боинг» – сразу утренний зной.
Из TEZ TOURa встречали, потеряться не дали.
И в автобусе в ДЕНА мы поедem с тобой.

Было всё – «Джип-Каньон» и прогулка на яхте,
Турецкая баня, аквапарк и дельфины.
Над крепостью старой флаг турецкий на мачте.
Восточный базар – сладости, сувениры.

Всё включено – аниматор Коля, вино и бассейн,
Завтрак, ужин, обед и чай-тайм в пятом часу.
В море буйки – не заплывать, если в себе не уверен.
И на мягких кроватях предаваться волшебному сну.

Возвышались над нами Торосские горы.
И мы поневоле смотрели на их красоту.
Грот Дамлаташ, соляная пещера открыла нам двери.
Мы вдыхали несмело воздух и тишину.

2

По горам и долинам на джипах мы катались.
Из пластмассовых бутылок водою обливались.
На ферме побывали, одежду выжимали.
Русские туристы смотрели, удивлялись.

Ламы, страусы, павлины по газончикам стояли.
Поросята, как ребята, по вольеру щеголяли.

За решёткой грустная мордашка – обезьянка Ленка.
Видно, жарко ей, бедняжке, в своей старой клетке.

На водохранилище, в озере купались.
Здесь пресная вода – просто наслаждались!
А с горы на озеро такой чудесный вид!
Все фотографироваться стали в один миг.

В аквапарке поселился «Троянский конь».
От него отходят горки – со всех сторон.
Ты несёшься в лабиринте с высоты!
Писки, визги, смех, улыбки детворы.

Вокруг парка катит воды «ленивая река».
На «ватрушке» отдыхал я – красота!
А в аквариуме есть рыбки – я клянусь!
Кожу мёртвую кусают – кусь да кусь!

В дельфинарии – дельфины, белые киты.
Дрессировщик и моржиха – хороши!
То с мячом, то через кольца делают прыжки.
Дяди, тёти, малыши хлопают в ладоши от души!

Трёхпалубная яхта на фоне голубом.
На ней по морю плавали с ветерком.
Купались, загорали, смеялись, веселились.
Женю-гида слушали, ругались и мирились!

Анталия, Аланья, посёлок Махмутлар.
Утром мы на море, а вечером – базар.
Отдыхали в Турции, забыли о заботах.
Возвращаться на работу ой как неохота!

Январь 2012

* * *

Письма твои читаю.
О встрече былой грушу.
Как я тебя понимаю!
Как тебя я люблю!

Ветер ломает ветки
В парке озябших осин.
Я словно птица в клетке,
Сиж у окошка один.

Лампочка тускло светит.
Чай остыл на столе.
Мне б тебя только встретить
Вечером в белом плаще.

Мне б тебя только увидеть
На старой аллее одну.
Признаньем своим не обидеть
В сказочно-дивном лесу.

Письма твои читаю,
Строчек знакомый узор.
Как мальчишка, мечтаю,
Что встретит принцессу король.

Дождик слёзы роняет.
Парк в осенней листве.
Нас с тобой разлучает
Осень в жёлтом шарфе.

В сказке неровные стёжки
Печально прожитых лет.
Ты пройдёшь по дорожке,
Только меня рядом нет...

Февраль 2012

* * *

Я должен сам свой путь пройти.
От «А» до «Я». От «Альфы» до «Омеги».
В трудах и праздности свой крест нести.
Любим людьми. И ненавидим всеми!

Кто я такой? Каков удел
Мой от заката до рассвета?
Усопший, но воскресший лицедей
Поёт вам песни. Вход лишь без билета!

Без праздности и лести, вопреки
Досужим домыслам и сплетням,
Звучали, облетая души и материки,
Слова куплетов давно забытой песни.

С улыбкой и с усмешкой на устах
Стоял паяц. И гордо, и печально
Неторопливо вёл рассказ,
Прося за тех, кто был когда-то с нами.

Но кто сказал, что песня не молебен?
Напев молитвы стремится к Богу, ввысь!
Как птица, улетаая, расправляет крылья,
Чтобы стрелки из номеров до душ не добрались.

Во сне иль наяву? Странник или пилигрим?
В каком обличье вам предстану?
Что вам спою? Что вам скажу?
Буду раним иль падох на отраву?

К печали или радости, краток век земной.
Мы, как слепые, тянемся к солнцу и теплу.
Чтоб отогреться телом и душой,
Шепча молитву в храме небесному Творцу.

Февраль 2012

* * *

Бывает, мелькнёт в толпе знакомое лицо,
Но не успеваешь остановить, окликнуть.
Вокруг людей смыкается кольцо.
И вместо лиц лишь спины. Не привыкнуть...

Спешишь, торопишься, пытаешься догнать,
Но, натываясь на людей и сумки,
Ты спотыкаешься, пытаясь бежать.
Но всё напрасно. Грустные минутки.

Быть может, с ним учились в школе.
А может, в новых кирзачах
Мы на плацу шагали строем.
По спичке одевались впопыхах.

А может, парень – дальнобойщик,
В Европу ездивший не раз.
Для разговора тем много общих
Про «Сканьи», «Вольво» и «Камаз».

Да только не догнал. Наверное, свернул
И затерялся где-то в переулках.
Я остановился. Сигарету затянул.
Наверно, обознался в тумане Петербурга.

Июль 2012

Блудный сын

Я запутался в ворохе дней.
Я заплутал в буднях, дождях и дороге.
Может, просто устал от ненужных потерь
И от мраморных звёзд чужого мне небосвода.

Блудный сын затерялся среди облаков.
Журавля не поймал. Не построил корабль.
Только стёрлись подошвы его башмаков.
Только птицы домой улетают. Сентябрь.

Бетонные стены стальных городов
Я менял без оглядки на заборы посёлка.
На плече синей тушью – роза ветров.
Как проклятье моё – под рубашкой наколка.

Ненужные встречи чужих мне людей.
Прощанье без слёз. Как приговор – расставанье.
Ты просто прости. Ты просто поверь,
Что я возвращусь к тебе на покаянье.

Сентябрь 2012

Анне Герман

Поднимите занавес. Потушите свет.
Конферансье объявит, душу рая:
«Для вас сегодня будет петь
Белый Ангел по имени Аня!»

Переступив через слёзы и боль,
Шаг за шагом – до микрофона.
Ты запела. Слеза за слезой
По щеке катились несмело.

Ты запела. Оркестр заиграл.
Песня в сердце дверь открывала.
Интересно, кто первый назвал –
«Белый Ангел по имени Аня»?

В белом платье, только без крыльев,
Ты на сцене стояла смело.
В зале тихо. И лишь один зритель
Прошептал: «Моя королева!»

Голос, где любовь и страданье
Воедино сплелись навеки.
Где надежда и расставанье.
Где цветут сады и текут реки.

Голос то сильно, то нежно звучит.
В облака летит раненой птицей.
Ты запела. Мелодия в вальсе кружит.
А в зале твой преданный зритель.

Сентябрь 2012

Охотникам

Пусть охотники ружья завяжут узлом.
В птиц стрелять – последнее дело.
Я хочу, чтоб мне помахала крылом
Стая, что на юг полетела.

Вы оставьте оружие для партизан.
Смажьте маслом, на чердак положите.
Закурите махорку. Налейте стакан.
И о жизни с дружкой поговорите.

Пусть летят косяки сентябрьским днём.
Пусть дети им машут, прощаясь.
Я прошу, господи, не играйте с огнём.
На войне, что ли, не настрелялись?

Пусть стая за стаей в небе летит,
Улетая в туманную даль.
Пусть над домом моим в небе кружит
Белый стерх. Белый журавль.

Октябрь 2012

* * *

Без тебя и дом не дом.
Без тебя холодна постель.
Возвращайся осенним днём!
Позвони вечером в дверь!

Возвращайся, я тебя жду!
Сними камень с моей души!
Я надеюсь, и я люблю,
Что вернёшься вечером ты!

Возвратись, я тебя молю!
Будет всё у нас хорошо!
Без тебя день и ночь в аду,
Я горю на огне любви!

Ноябрь 2012

* * *

Дождём осенним, капельками слёз,
На землю падает разлука.
Укрывшись от непогоды под зонтом,
Иду в толпе не торопясь по лужам.

Народ спешит, меняя минуты на часы.
А кто-то, заблудившись в неудачах,
На годы разменивает дни.
И в темноте в подушку плачет.

Иду в толпе, и кажется порой,
Что дождик никогда не прекратится.
И небо чёрно-серой мглой
Мне даже ночью будет сниться.

А на лице и слёзы, и дождинки перемешались.
Зонт не помог укрыться от беды.
И только в памяти остались
Твои знакомые черты.

Январь 2013

* * *

Прости меня, моя любовь,
За все обиды и грехи.
За то, что я осенним днём
Не подарил тебе цветы.

Прости меня, моя любовь,
Что я запутался в пыли
Обычных дел, обычных грёз.
Прости небесные мечты.
Прости наземные грехи.

Прости меня, моя любовь,
За то, что ночью невпопад
Я путал имя сгоряча,
Скользя из рая прямо в ад.

Прости меня, моя любовь,
Я раб страстей, слуга желаний.
Грешил, не зная покаянья,
Запутавшись в виденьях снов.

Февраль 2013

* * *

Что ж ты, осень, натворила,
Милая шалунья?
Ты с любимой разлучила,
Рыжая колдунья.

Замела аллеи в парке
Огненной листвою,
Где любимая ступала
Босою ногою.

Что ж ты, осень, натворила
Дождиком холодным?
Остудила. Погасила
Ветром беззаботным.

Всё прошло, и всё исчезло
В утреннем тумане.
Лишь рябины бесполезно
Ветками качали.

Февраль 2013

* * *

Ты вернулась ко мне, ты вернулась!
Птичьи трели снова звучат.
Ты вошла в открытые двери,
На меня направив свой взгляд.

Я обнял тебя нежно за плечи.
Утонул в бездонных глазах.
Вспомнил я прошлогодние встречи –
Тихий голос, задумчивый взгляд.

Ты вернулась ко мне, ты вернулась!
Снова губы шепчут: «Люблю!»
Снова солнце встаёт на рассвете.
Снова яблони в белом дыму.

Все обиды и ссоры забыты.
Всё, что было, травой поросло.
Мы придумаем сами сюжеты
Нашей жизни. Как в старом кино.

Март 2013

* * *

Отогрей меня, отогрей!
Мне нужно твоё дыханье.
Словно воздух, как покаянье.
Отогрей меня, отогрей!

Напои меня, напои!
Поцелуем губ, нежно сладких.
Без утайки и без оглядки.
Напои меня, напои!

Успокой меня, успокой!
На ночь глядя волшебной сказкой.
Тонких пальцев задумчивой лаской.
Успокой меня, успокой!

Заколдуй меня, заколдуй!
Щебетаньем слов и мечтами.
Я тебе отплачу стихами.
Заколдуй меня, заколдуй!

Беспокойство своё не прячь ты.
Мне лишь нужно немного удачи.
Отогрей меня, отогрей!

Март 2013

* * *

Я упоение искал в губах твоих.
В глазах зелёных доставал до дна.
Тонул. Мечтал. Всплывал во снах своих.
Дышал и жил, тебя любя!

С безумством Сальвадора кистью на холсте
Пытался рисовать твои черты и блики –
Где утренний рассвет купается в листе
На фоне обнажённой Эвридики.

Какие краски! Смелые мечты!
Дышать и чувствовать дыханье.
Поэтом быть во имя красоты!
Художником во имя покаянья!

Тебя рисую строчкой на листе –
Улыбку задумчивой Джоконды.
Переплелось всё – краски на холсте,
Слова любви и музыки аккорды!

Тонуть, всплывая, от радости крича!
Любить и быть любимым без причины.
Мечтать, летая где-то в облаках.
И снова жить под звуки лиры!

Июль 2013

Саше Башлачёву

Изгоем в царстве мёртвых снов
Я жил с надеждою на рай.
Одно я понял – Башлачёв
Был прав! Переступив за край...

Тянутся в небе косяки –
Кто в Новый Свет,
Кто в Старую Европу.
Да только мне – не по себе.
Я остаюсь здесь по КЗоТу!

«Родился, так пляши в огне!»
А ад как ад, тут места много!
Играть на кухнях на струне
Да песни петь, взяв шесть аккордов.

Великий Боже, нам прости
Язычество в стихах и песнях!
Пой, колокольчик! Пой! Звени
На шее Сашки в поднебесье...

Июль 2013

* * *

Помилуйте меня. Сейчас.
Все те, кто был любим и дорог.
Не после смерти. Нет. Сейчас!
Чтоб не уйти от вас изгоем...

Листая годы и мечты,
Я жил с надеждой на любовь.
Уставший ветер-пилигрим
Рассказывал виденья снов.

Не всё сложилось, как хотел.
Не получилось. Не сложилось.
Весёлый шут бубенчиком звенел.
Да только строчка не ложилась.

Простите за грехи, что совершал.
Простите за стихи и песни.
За тех, кого я ненароком обижал,
Сорвав вуали лжи и лести.

За голос, что немного с хрипотцой
Звучит в просторах интернета.
За пьянство, дебоширство под луной.
За пять аккордов от зимы до лета.

Помилуйте меня сейчас!
Пока я жив. Пока кому-то дорог.
Не после смерти! Нет! Сейчас!
Чтоб не уйти от вас изгоем!

Август 2013

* * *

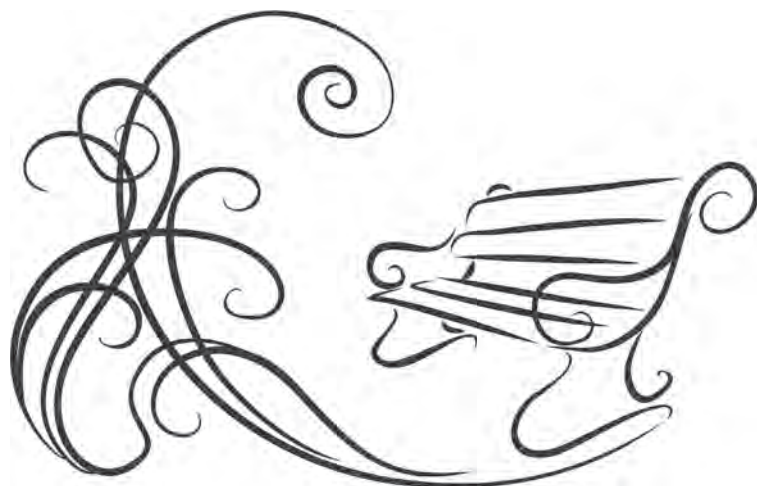
Где-то радость моя затерялась
В лабиринте солнечных дней.
Лишь улыбка на память осталась
От любви ненаглядной моей.

С тёплым ветром вдаль унеслась.
Светлым утром исчезла с росой.
Где-то радость бродит по свету,
Где я раньше бегал босой.

Дни летят облаками по небу,
Уплывая в неведомый край.
Там, где радость солнцем согрета.
Там, где мы не знали печаль.

Где под радугой бегали вместе
По высокой траве летним днём.
Там, где радость смеётся, как в детстве.
Там, где сказка всегда перед сном.

Декабрь 2013

* * *

Пацаны на «Сканьях», пацаны на «Вольво»,
За баранкой день и ночь крутят шар земной.
Впереди дорога. Позади дорога.
Дома ждут. В ремзоне ждут пацанов домой!

Пацаны серьёзные. Пацаны надёжные.
На паромах не шумят – может, лишь чуть-чуть.
«Шрек», душонка тёмная, текилой заполнённая,
К персоналу женскому немножко пристаёт!

Длинная дорога – то в поля, то в гору.
Чёрная «Скамейка» на Берлин летит.
То Кондрат Серёга в мае на пороге
Немецкого Рейхстага пьёт за всех водил!

А Козлов Андрюша, наша «небезуша» –
То в Финляндии неделю, то ножку поломать!
А потом на палках идёт по автопарку
С гордой головою деньги получать!

Есть водитель Владик – деревоискатель!
Ищет он деревья с дельфинчиком вдвоём.
Нет, не на стакане! может быть, по пьяни –
Бегают деревья! Мельтешат кругом!

Есть ещё «Архангел» – водитель не забавный.
Правильный парнишка! В общем – профсоюз!
Серёга Ворошилов – как бы ни грешил он,
Но поляки знают – он бубновый туз!

Да, ребят здесь много! Дальняя дорога –
Кто на «Финку», кто к норвегам ездят кореша.
Франция, Голландия, немецкая земля.
По Европе колесят верные друзья!

Август 2013

Зелёнкой намазан нос.
Под глазом – фингал.
Он просто ещё не дорос
До настоящих драк.

Он просто ещё малыш,
Весёлый и озорной.
Но постоять готов
За девочку с длинной косой!

После работы отец
Купит вкусный пломбир.
Скажет с теплом: «Молодец!
Я горжусь тобой!
Ты у меня герой!»

Мама всплеснёт рукой.
Поругает тихо, слегка.
Он просто иначе не мог...
Наверное, весь в отца...

Декабрь 2013

* * *

Маленький пластмассовый солдатик
Отвоевал, десятилетье за спиной.
На свалку, как ненужный фантик,
Был выкинут недрогнувшей рукой.

Судьба-злодейка изменилась.
Сражался честно, как герой!
Да только всё переменялось –
Хозяин вырос. Он большой.

Из пистолета присосками стреляли.
С линейки резинкой били наповал.
Вокруг него кубики летали.
Солдатик падал, но вновь вставал!

Под парусом он бороздил просторы
Дворовой лужи – вдоль и поперёк.
Летели камни, палки от забора,
Но он всплывал – пластмассовый герой!

Теперь на свалке, дождик хлещет.
Здесь очень грязно и темно.
Так почему мы забываем вещи,
Что нам дарили радость и тепло?

Но снова мир перевернулся –
Из детского дома мальчуган
Нашёл, протёр и улыбнулся.
И положил себе в карман...

Январь 2014

* * *

(Спасибо, Чиж, за идею.)

На двоих это небо.
На двоих это Солнце.
На двоих ветер в спину.
На двоих свет в оконце.

На двоих этот город.
На двоих – чай, конфеты.
На двоих один воздух.
На двоих одно лето.

На двоих одна радость.
На двоих одно горе.
На двоих – смех, усталость.
На двоих одно море.

На двоих один берег,
На двоих ночью звёзды.
На двоих парус реет,
На двоих штиль и штормы.

На двоих сказка Грина,
Где Ассоль верит в принца.
На двоих бригантина
В серой дымке залива.

* * *

В небе чайки кружат и куда-то зовут,
К той земле, что полоской на карте.
Между двух океанов пролегает маршрут
Для бесстрашных бродяг и морских капитанов.

В небе чайки кружат и плывут облака
Над заливом на закат, к горизонту.
Только вот незадача – бригантина моя
Уплыла без меня. Взбунтовалась команда.

В небе чайки кружат и тревожно кричат.
По причалу лишь ветер гуляет.
Я стою на краю и на волны смотрю.
Где-то там мой парус мерцает.

За приливом отлив. За отливом прилив.
Просто всё, проще простого.
Высокие скалы окружают залив,
За которым океан или море.

Бригантина ушла, подняв паруса.
Уплыла то ль на юг, то ль на север.
И с нею мечта открывать острова
Унеслась к горизонту, как ветер.

Июнь 2014

* * *

*Посвящается «Анатолию из Новобуфетска»
(Анатолию Матросину). (Смотри: Аркадий Северный
и Братья Жемчужные, «Ленинградский Диксиленд», 1977)*

Где же ты, мой кабальеро?
По тебе девчонка плачет.
Ты забыл её в Сан-Ремо,
Беспокойный, грустный мачо.

Ты ушёл, она осталась,
Слёзы вытирая куклой.
От корриды отказалась.
И тореро ей обузой.

По тебе грустят красотки!
Волны моря ножки лижут.
Ну а ты в дыму и в водке
Прожигаешь жизнь без грима.

Где сегодня рвёшь ты струны
С беспокойством Арлекина?
В Ленинграде, в Магадане?
По тебе грустит Мальвина!

Где же ты, мой кабальеро?
Почему гитара плачет?
Сан-Диего и Палермо
Помнят музыканта Санчо!

Где же ты, мой кабальеро?
Почему девчонка плачет?
Сан-Диего и Палермо
Ждут тебя как пилигрима!

* * *

И вот опять конец сезона –
Ромео и Джульетта, Казанова
Вновь покидают театральные пенаты.
В чулан Айвенго уносит щит и латы.

Спектакль последний, зритель стонет.
И критик вроде всем доволен.
А кто-то добрый вдруг обронит:
«Жаль расставаться!» Он театром болен.

Откланялись актёры. Занавес на сцене.
Покинул зритель галёрку и партер.
И лишь с афишами играет ветер.
Да дворник во дворе метлою заскрипел.

Все разошлись – каникулы на лето!
Уехал кто куда – кто в Крым, кто в Туапсе.
Да только по театру до самого рассвета
Тихонько тени бродят, Ромео и Джульетта
Живут в нашей мечте!

Июль 2014

* * *

Ещё один ушёл – водитель, дальнбойщик.
Сгорел, перегорел. Расплавилась свеча.
Он больше не поедет по трассе, по дороге.
Он больше возле дома не «тиснет» в тормоза.

Асфальт ложится под колёса –
То мокрый, чёрный, то серый и сухой.
А наш друган не будет больше
Крутить баранку, с рейса торопясь домой.

Норвегия, Европа, Финляндия, Литва.
Куда колёса бросят, туда и суета.
Да только верил парень, что наша жизнь игра.
Он просто делал дело – честно, как всегда.

Да только напряженье – «колонного» матюг.
Имеем, что имеем – инфаркт и доктор-друг.
А по ночам всё снится дорога в никуда.
Деревни и посёлки. Трассы. И в дымке города.

Потом на экспертизу, всё спишут и замнут.
На «рулевом» удар был!
Когда? Взорвалось? Ты нам не друг!
Угробил груз, машину! Вдобавок на бок лёг!
Живой? А может, мёртвый ты лучше, чем живой?

Не выдержало сердце. Прости, братан, прости...
Тебя мы не сумели спасти от клеветы.
И вновь цветут рассветы. За горизонтом – даль.
И та же трасса вьётся. Но нет тебя, а жаль...
И та же трасса вьётся. Но нет тебя, братан...

Июль 2014

* * *

Эх, русалки вы, русалки!
Интересный вы народ!
Что вы, хвостиком виляя,
Беспокоите господ?

Те приехали на море –
Отдыхать и загорать.
Вы же, хвостиком виляя,
Не даёте ночью спать!

Мысли лезут... Мысли лезут...
Беспокоится душа!
Как же ты была прелестна!
Как красива! Хороша!

12.08.2014

* * *

Вот и всё, нет любви между нами.
Рябина качает листвою.
И только девчонка в жёлтой панаме
Смеётся вновь надо мной.

Опять одиноким бродягой
По жизни иду не спеша.
Случайные встречи – наградой
За грусть и печаль без тебя!

Дождик тихонько крадётся
По лужам. Стучится в мой дом.
Проказница осень смеётся
Под жёлто-красным зонтом.

А может, всё обойдётся?
И солнце разгонит туман!
Принцесса к бродяге вернётся,
Чтоб дописать наш роман!

Август 2014

Перед полётом в Израиль

Не пил ни грамма, я клянусь!
С утра не похмеляюсь.
В её глаза взглянул, моргнул
И понял: пропадаю!

В Аланье гид поведал нам,
Всем тем, кого нашёл, –
Что есть земля, что есть моря!
И лекцию прочёл.

Израиль, мёртвые моря,
Голгофа, Иордан.
А вы сидите здесь, друзья,
Не ведая, что там!

Ты захотела посетить
Израиль и Стену Плача.
Когда я за себя платил,
То думал, что заплачу!

По двести баксов сняли с нас.
И я махнул рукой!
Когда ещё, в который раз,
Я полечу «домой»!

На «землю предков» я лечу!
Свобода! Красота!
Быть может, «родственников» найду!
Или они меня!

Я познакомился с тобой
За два дня до отлёта.
Ласкало солнце! Пел прибой!
Ты Таня! Я Алёша!

Ты волновалась, а я нет –
Жуя сосиску в тесте.
Передаю я всем привет,
Кто знает мои песни!

В Анталии сидим и ждём
Посадки в самолёт.
Неспешно курицу жуём,
Картошку фри, компот.

Задержан рейс на два часа.
Нас кормят. Сервис всюду.
В Стамбуле ветер и гроза.
А «Боинг» наш оттуда!

Какой-то лысый в «Дьюти фри»
Переборщил с бутылкой.
Но если выпил, так молчи!
Или играй улыбкой!

Он поднял панику, крича:
– Вы что тут, обалдели!
Ведь там стреляют! Там война!
И все как загалдели!

Мальчишку вызвал наш народ –
Агента из «ТезТура».
Он людям объяснить не смог.
А я без перекура!

Забыв про прежние мечты,
Туристы шли на выход.
Я в кресло вжался у стены
И потихоньку фыркал.

Ты волновалась за дочь.
Ушла вместе со всеми.
Гоню я злые мысли прочь.
Остановилось время!

Осталось ровно пятьдесят
«Турецких крестоносцев».
Назло чертям, назло врагам,
Летим к евреям в гости!

Сентябрь 2014

* * *

Тебя рисую кистью на холсте –
Узорами замысловатых букв.
Где звёзды меркнут в красоте
Твоих прекрасных глаз и губ!

Под солнцем юга, в голубой волне,
Русалкой ты плескалась в море.
Улыбкой надежду подарила мне,
Что я забыл об одиночестве и боли.

Под пальмами, в тиши аллея,
Бродили мы с тобой неспешно.
Цикады пели, шелестел прибой.
Ты за руку мою держалась нежно.

Но дни летят и расставанье близко.
И между нами километры автострад.
Но знай, малыш, твои читая письма,
Всегда узорам строчек рад!

Сентябрь 2014

* * *

Уставший клоун тихонечко присел
Возле старых покрашенных дверей.
Он уже не молод. Он уже старик.
И с каждым днём всё тяжелей даётся
Выход на арену. Смешить людей.

Старые двери, покрашенные в зелёный цвет,
Сколько они повидали за сотню с лишним лет!
Люди приходили. Люди выходили.
С собой частичку детства в сердце уносили.

Старый клоун устал. Болит голова.
Но он доиграл свою роль до конца.
В партере сидели дети из детских домов.
И клоун дарил им радость, смех и тепло.

Немного посидит и он пойдёт домой.
В ночной подсветке сияющий цирк
Засыпал за его спиной.

Он шёл по старой улице.
Он шёл в свой старый дом.
В нерасселенную коммуналку,
Которая где-то там, за стеной.

Ночью клоуну приснились дети.
Их весёлый, радостный смех.
Он улыбнулся во сне. Он понял,
Что не зря выходил на арену
Много, много лет...

Сентябрь 2014

* * *

Этот город поблѣк
Без твоей красоты.
Побледнели мосты.
Потускнели дворцы.
Поседели, скучая,
На мостиках львы.
Без твоей доброты.
Без твоей красоты.

Этот город поблѣк
Без твоей красоты.
Проливные дожди.
У прохожих зонты.
Холодный ветер
Дует с серой Невы.
Без твоей доброты.
Без твоей красоты.

Этот город поблѣк
Без твоей красоты.
Не поют соловьи.
Пожухли цветы.
На бульварах и в парках
Шѣпот листвы.
Без твоей доброты.
Без твоей красоты.

Сентябрь 2014

* * *

Я пропах табаком и спиртом.
И давно на Вас махнул рукой.
Вы идёте подиумным флиртом,
Ослепляя своею красотой.

Вопросы сыплются из уст –
Машина есть? Квартира? Дача?
Вы принца ждёте или куст
Трясёте с евро, чуть не плача?

Увы, любви уж нет, один расчёт –
Кто зарабатывает и сколько!
Кто сколько положил на счёт.
Разводов больше свадеб! Незадача!

Крутитесь Вы в своём котле!
Я не подойду и не заплачу.
Пусть принцы к Вам являются во сне!
Я пью за мужиков! И за удачу!

Сентябрь 2014

* * *

Крепкий кофе, стихи, сигарета.
Тревожный рассвет вдали.
Я вспоминаю минувшее лето –
Неспетую песню нашей любви!

Ветер гоняет листья
По закоулкам двора.
Осень походкой лисьей
Крадётся издалека.
Клёны стоят, краснея
От наготы рябин.
Кисть взлетает смелее
Над полотном картин.

Я знаю, всё повторится –
Южный берег, солнце, прибой.
Ночью ты стала мне сниться –
Ангел мой неземной!

– Разлука пройдёт незаметно.
Пусть тебя не коснётся печаль, –
Шепчу еле слышно, заветно,
Смотря в рассветную даль...

А ветер гоняет листья
По уголкам двора.
Осень походкой лисьей
Крадётся издалека.
Клёны стоят, краснея
От наготы рябин.
Кисть взлетает смелее
Над полотном картин.

Ноябрь 2014

P.S.

*** * ***

Двор-колодец, закоулки,
Лиговский проспект.
Я нашёл в кармане куртки
В прошлое билет.

По проспекту на «Восстанье»
Поверну, волнуясь.
Словно школьник на свиданье,
Питером люблюсь.

Старый Невский бесподобен
В мраморной ночи.
И его ласкают робко
Серые дожди.

Здесь Суворовский налево
И Советских целый ряд.
В детство дверь ведёт несмело,
Где Овсянниковский сад.

А на Мытнинской дождь
Капает с неба.
А на Мытнинской люди
Бредут под зонтами.
Я иду осторожно,
Словно в тумане.
Я снова здесь!
Но, увы, я не с вами...

Дом одиннадцать, сутулясь,
Сквозь года глядит устало.
Словно школьник, я волнуясь,
Что вернулся запоздало.

Этаж первый, вход под аркой.
Детства дни летели гладко.
Двор-колодец, коммуналка.
И у дворника овчарка.

Память бродит по округе,
По слепому чердаку.
Там бельё сушили люди.
Ванных не было. Адью!

Самокат на всю ватагу.
Трёхколёсный «лисaped».
Самосвал железный жалко:
Я уехал, а он нет!

Окотилась в доме кошка,
И под ручку малышня
На котят смотреть ходила
Всей гурьбою не спеша.

«Фотик» новый у мальчишки,
То ли «Смена», то ль «Зенит».
И смотрел на нас парнишка
Сквозь советский объектив.

А на Мытнинской дождь
Капает с неба.
А на Мытнинской люди
Бредут под зонтами.
Я иду осторожно,
Словно в тумане.
Я снова здесь!
Но, увы, я не с вами...

Декабрь 2017

Содержание

Уважаемые читатели!..... 3

СТИХИ И ПЕСНИ

20.10.1993–03.12.1996

Птицы	6
«Каменный город, свет фонарей...».....	7
«Стол, украшенный цветами...».....	8
Дети	9
«И снова так...».....	10
«Ниспадает на плечи золотистый каскад...».....	11
Поэт	12
«Он с гитарой творил что хотел...».....	14
Охота на ведьм	16
«Играй, полупьяный сверчок...».....	20
Мой след	21
«В кармане нет денег...».....	22
Чёрная сажа	24
«Странные люди, странные сны...».....	25
Зайцы	26
«Сквозит с начала до конца...».....	28
«Ещё вчера я что-то мог...».....	29
«Напои меня губами...».....	30
«Струится время как песок...».....	31
Осень	32
«Дождь играет на крыше...».....	33
«Я зашёл сюда на полчаса...».....	34
«Озорник бродяга ветер...».....	35
«Где-то гуляет мой нож по чужим рукам...».....	36
Крутая больница	37
«Пой, гитара, пой, струна...».....	38
«Сбылись слова, сбылись пророчества...».....	39
Случайный гость	40
«В кабаке кричат: «Налей!»...».....	42

«Эй вы, кони мои удалые...»	44
«Опять напялив маску общего веселья...»	45
««Погиб при исполнении» – строчка коротка...»	46
«Играй, шарманщик, играй...»	47
Последняя спичка	48
«Пачка сигарет заброшена в угол...».	49
Петька	50
Атомоход	52
Лес	54
«Ночью выпадет снег...».	56
«Всё сгорело, бывшее запорошено пылью...».	58
«Мама, не рассказывай мне сказки...»	59
«Я убегаю от грозы!..»	60
«Сколько я страдал, думал и гадал...».	61
«Ну, давай, играй, гитара...».	62
Кассета	63
«В кабаке играет скрипка...»	64
«Осень на мольберте акварелью...»	66
«В моём взгляде боль...»	68
Нищенка	70
Город	72
«Раскурил я сигаретку...».	74
Зима («В который раз пришла зима...»)	76
Крылья	78
«Осень, улетают птицы навсегда...»	81
«Я верю в тебя, хотя нахожусь в аду...».	82
«Мы так давно ждали тёплого лета...».	83
«Алые розы на белом белье...»	84
«Я тебя встречу, ты пройдёшь мимо...»	86
«В твоих глазах горит бесовский огонь...»	87
«Осень на подушку ржавых листьев набросала...»	88
«Я приду, я прорвусь сквозь туман и вместе с дождём...»	90
Дожди	91
Прокажённый	92

Летучий голландец	94
Старый двор	96
<i>«Пишу свои стихи...»</i>	98
<i>«На площади много народа...»</i>	100
<i>«Ты меня ласкаешь взглядом...»</i>	101
<i>«Я гений, прочь сомненья!..»</i>	102

СТИХИ И ПЕСНИ

03.12.1996–17.11.2014

Зима (<i>«Зима сводит меня с ума...»</i>)	104
<i>«Я не знаю, за что...»</i>	105
Вале...	106
Светофор	108
Ты прости меня	109
Россия	110
<i>«Из убогих квартир, где кухни шесть метров...»</i>	112
Я болен весной	113
<i>«Там волны плещутся, там море бесится...»</i>	114
Монолог пьяницы	115
<i>«За окошком снег кружится...»</i>	116
Монолог шута	117
<i>«Давайте, друзья, помолчим хоть минуту...»</i>	118
<i>«Над камином мотыльки...»</i>	119
<i>«Я запутал следы...»</i>	120
<i>«Вы мне приснились...»</i>	121
<i>«Снова настала весна, и песню поёт вода...»</i>	122
<i>«Ты хотел быть богом...»</i>	123
<i>«Когда в глазах твоих ночь...»</i>	124
<i>«Когда отгремит последний выстрел...»</i>	125
<i>«Этот город будет наш...»</i>	126
<i>«Он ушёл в ночь, взяв гитару и бутылку вина...»</i>	128
<i>«В твоих волосах нет любви...»</i>	129
<i>«Из дома на работу, с работы домой...»</i>	130
<i>«Уходят лица, уходят...»</i>	132

«Я войду в этот город с мечом...»	133
«Любимая, прости, я виноват...»	134
«Всё случится словно в сказке...»	136
«Весенние ручьи разогнали зимнюю грусть...»	137
«Ты запомнишь меня пьяным и злым...»	138
«Я сбежал, да, я сбежал...»	139
Фотоальбом	140
«Спиваться – это ли удел...»	141
«Шум прибоя, запах моря...»	142
Глиммингенский замок	144
Евгению Плющенко	147
Жанна Д'Арк	148
«Я ещё на плаву...»	151
«Где-то там, на шестом этаже...»	152
«Ты ехала в автобусе с работы домой...»	153
«Мне б заплутать в твоих волосах...»	154
«Белые простыни постелет зима...»	155
«Я нарисую тебя на холсте...»	156
«Разметал проказник ветер листья с тополей...»	157
«Давайте плюнем на дела...»	158
«Что я делаю здесь? Сижусь на диване...»	159
«Ты можешь быть ласковой кошкой...»	160
Чёрный пакет	161
«Детка, мне уже тридцать три...»	162
«Что во взгляде твоём увидал?...»	163
Нашей кошке	164
Одиночество	166
«Всё получилось не со зла...»	167
На Якорной	168
Созвездия	171
«Нет на свете справедливости...»	172
«Сударыня, где были раньше Вы...»	174
Клевета	175
«Я сижу на крыше мира...»	176

«Не переживай!..»	177
Жене Ефимову	178
«Мне по жизни выпала карта...»	179
Памяти Олега Орлова	180
«Красивые странницы в странных одеждах...»	181
Болгария	182
«Опять в кармане звон монет...»	185
«Метро, душный вагон...»	186
Памяти домов Санкт-Петербурга	188
Пропавший без вести солдат	189
Моя королева	190
«Боль мира принять...»	191
«Я лечу на дирижабле...»	192
«Я не умею рисовать...»	193
«Опять, в который раз, опять...»	194
Сэр Макс	196
Вечером сырого октября	198
«Всё хорошо, твердят с экранов...»	199
«На красном граните...»	200
Последний рыцарь	202
«Твоё время ушло, ты для многих стал просто обузой...»	203
«Она не любит мужчин...»	204
«Дети выросли, дети взрослые...»	206
«Я в пустую квартиру войду...»	207
«На стареньком диване...»	208
«Прощай, Бологое, прощай!..»	210
«Листьями жонглировала осень...»	213
Пацаны	214
«Туманный Альбион по-прежнему далёк...»	216
«Торопился, чтобы успеть...»	217
«На старой сцене в парке городском...»	218
«Зима не зима. Осень не осень...»	220
«А над Питером опять солнечный день...»	221
«Я не помню имён...»	222

Простые зарисовки о Турции	224
« <i>Письма твои читаю...</i> »	226
« <i>Я должен сам свой путь пройти...</i> »	227
« <i>Бывает, мелькнёт в толпе знакомое лицо...</i> »	228
Блудный сын	229
Анне Герман	230
Охотникам	231
« <i>Без тебя и дом не дом...</i> »	232
« <i>Дождём осенним, капельками слёз...</i> »	233
« <i>Прости меня, моя любовь...</i> »	234
« <i>Что ж ты, осень, натворила...</i> »	235
« <i>Ты вернулась ко мне, ты вернулась!...</i> »	236
« <i>Отогрей меня, отогрей!...</i> »	237
« <i>Я упоение искал в губах твоих...</i> »	238
Саше Башлачёву	239
« <i>Помилуйте меня. Сейчас...</i> »	240
« <i>Где-то радость моя затерялась...</i> »	241
« <i>Пацаны на «Сканьях», пацаны на «Вольво»...</i> »	242
« <i>Зелёнкой намазан нос...</i> »	243
« <i>Маленький пластмассовый солдатик...</i> »	244
« <i>На двоих это небо...</i> »	245
« <i>В небе чайки кружат и куда-то зовут...</i> »	246
« <i>Где же ты, мой кабальеро?...</i> »	247
« <i>И вот опять конец сезона...</i> »	248
« <i>Ещё один ушёл – водитель, дальнобойщик...</i> »	249
« <i>Эх, русалки вы, русалки!...</i> »	250
« <i>Вот и всё, нет любви между нами...</i> »	251
Перед полётом в Израиль	252
« <i>Тебя рисую кистью на холсте...</i> »	255
« <i>Уставший клоун тихонечко присел...</i> »	256
« <i>Этот город поблэк...</i> »	257
« <i>Я пропах табаком и спиртом...</i> »	258
« <i>Крепкий кофе, стихи, сигарета...</i> »	259
P.S. «Двор-колодец, закоулки... »	260

Алексей Альбертович Семенов

СТИХИЯ СЛОВ

Сборник произведений

Произведения опубликованы в авторской редакции.

Обложка:

А.А. Семенов

Корректор:

П.О. Громова

Компьютерная вёрстка:

К.Е. Павельева

Подписано в печать 09.03.2022

Формат 60x90/16.

Бум. офс. 80 г/м². Печать офсетная.

Объём 16,75 усл. п/л. Гарнитура AdonisC.

Тираж 116 экз. Заказ № 199909

Отпечатано в АО «Т8 Издательские Технологии»

109316, Москва, Волгоградский проспект,

д. 42, корпус 5.

Тел: 8 (495) 322 38 30

www.t8print.ru

ISBN 978-5-9216-0330-1

9 785921 603301